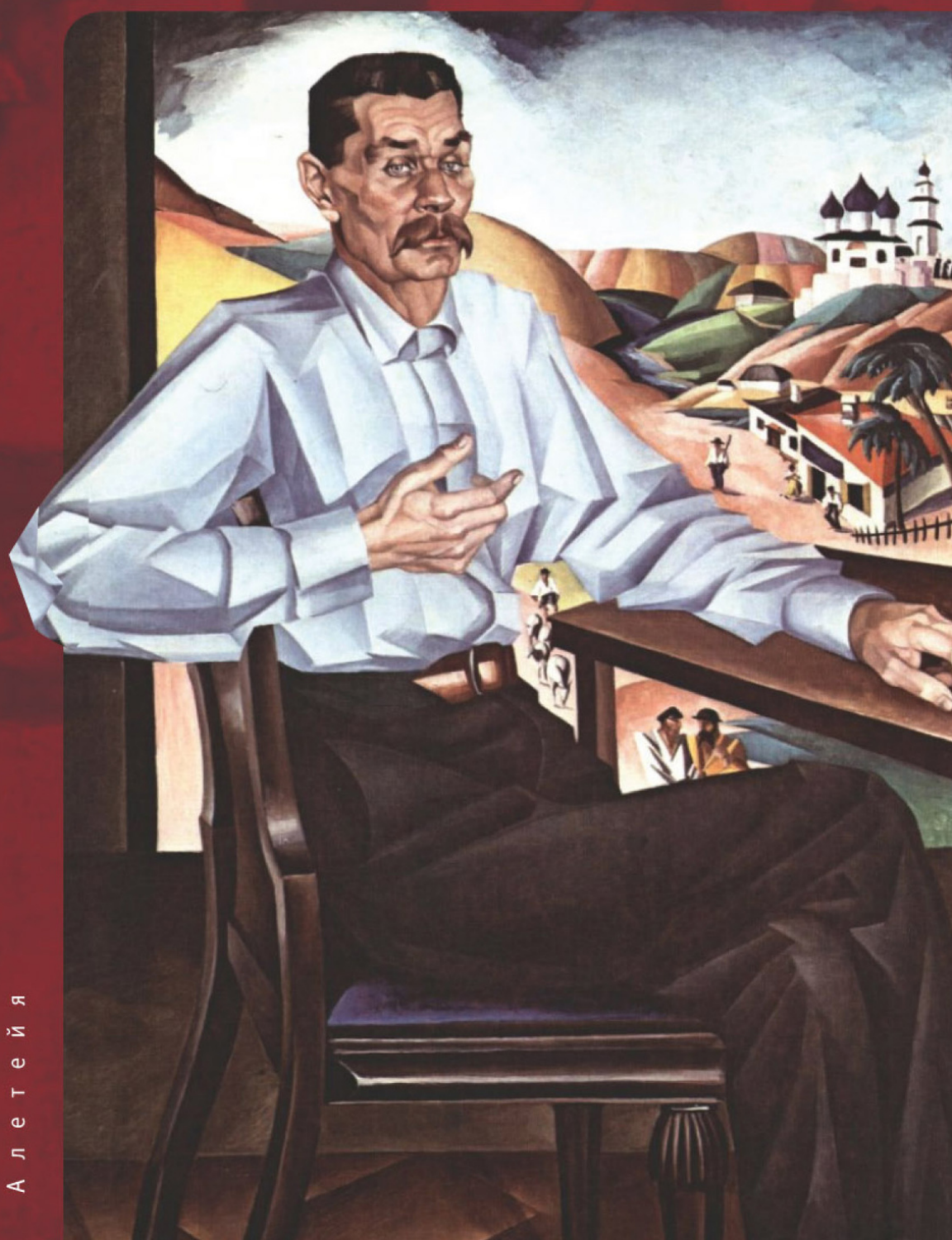

МАРК УРАЛЬСКИЙ

Горький и евреи

по дневникам,
переписке и воспоминаниям
современников

А л е т е й я

Марк Уральский

**Горький и евреи. По
дневникам, переписке и
воспоминаниям современников**

«Алетейя»

2018

УДК 821.161.1 Горький.06
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8 Горький М.

Уральский М. Л.

Горький и евреи. По дневникам, переписке и воспоминаниям современников / М. Л. Уральский — «Алетейя», 2018

ISBN 978-5-907030-18-3

Книга посвящена раскрытию затененных страниц жизни Максима Горького, связанных с его деятельностью как декларативного русского филосемита: борьба с антисемитизмом, популяризация еврейского культурного наследия, другие аспекты проеврейской активности писателя, по сей день остающиеся terra incognita научного горьковедения. Приводятся редкие документальные материалы, иллюстрирующие дружеские отношения Горького с Шолом-Алейхемом, Х. Н. Бяликом, Шолом Ашем, В. Жаботинским, П. Рутенбергом и др., – интересные не только для создания полноценной политической биографии великого писателя, но и в широком контексте истории русско-еврейских отношений в XX в.

УДК 821.161.1 Горький.06
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8 Горький М.

ISBN 978-5-907030-18-3

© Уральский М. Л., 2018
© Алетейя, 2018

Содержание

Несколько слов на тему книги Марка Уральского «Горький и евреи»	6
Горький и евреи	9
Введение[1]: Горький вчера и сегодня	12
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Марк Леонович Уральский
Горький и евреи: по дневникам, переписке
и воспоминаниям современников

© М. Л. Уральский, 2018

© С. Гардзонио, Е. Шуган, предисловие, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

* * *

Несколько слов на тему книги Марка Уральского «Горький и евреи»

В XX столетии по совокупности самых разных, но очень важных с точки зрения жизнедеятельности мирового сообщества причин мировоззренческое отношение к евреям, сионизму, а затем к государству Израиль стало «фактором выбора», определяющим позиционирование отдельной личности, общественных организаций, наций и народов в их извечной борьбе за отстаивание своих идеологических и экономических интересов. В острой полемике по «еврейскому вопросу» голоса великих мира сего имеют, естественно, особую значимость: к ним, так или иначе, прислушиваются, на них ориентируются и их же в первую очередь стараются заглушить, когда они противостоят продвигаемой в том или ином социуме «генеральной линии».

В этом отношении Максим Горький – в своем роде показательный пример, далеко выходящий за рамки чисто национального феномена. Уникальный опыт Горького как декларативного общественника-филосемита был, несмотря на возвеличивание его личности в целом, целенаправленно обойден молчанием и вследствие этого исключен из сферы духовного опыта нескольких поколений россиян. Отметим попутно, что и в западном горьковедении тема «Горький и евреи» оказалась, как ни странно, обойденной вниманием исследователей.

Виктор Шкловский – один из самых тонких и проницательных мыслителей своей эпохи, утверждал, что

Горький был похож на неверную женщину. Он мог влюбляться без памяти. <...> Но мог внезапно и без видимой причины разлюбить, чтобы влюбиться в кого-то другого.

<...> Мы верим свидетельствам современников не тогда, когда они говорят, а когда проговариваются... [ШКЛОВСКИЙ (III)].

При всей изменчивости своих пристрастий и привязанностей Горький по жизни неизменно был другом евреев, не редко об этом говорил, еще чаще писал, никогда не «проговариваясь» и не противореча сам себе. В этом отношении ему можно верить на все сто.

Горьковский филосемитизм был и рефлексивным – результатом самопознания, и политическим феноменом. В первом случае он исходил из сферы чувствования, где видную роль играют опыт личного общения, симпатии и антипатии, часто подсознательные. В плане политическом Горький твердо стоял на позициях классического гуманизма, идущего от Ренессанса и эпохи Просвещения. Так, в знаменитом очерке «О евреях» (1919 г.) он в первую очередь спешит напомнить своим озверевшим от ужасов Революции и Гражданской войны соотечественникам «неоспоримые азбучные истины», касающиеся принципов человечности, равноправия и свободы личности. Он пишет:

Необходимо также развивать в себе нравственную чистоплотность, воспитать чувство брезгливости к проявлениям в человеке начала зоологического; одним из таких проявлений является унижающая человека вражда к людям иных племен.

Человек, исполняющий все обязанности гражданина, тем самым заслужил, чтобы за ним были признаны и все права гражданина.

Казалось бы, позиция Горького обсуждению не подлежит – она ясна и неоспорима. Эти положения, гордо и торжественно звучавшие в те далекие годы, также, без каких-либо возражений, принимается всеми нами сегодня. Однако же, когда дело касается частных, имеющих отношение к евреям:

Ненависть к еврею – явление звериное, зоологическое, с ним нужно деятельно бороться в интересах скорейшего роста социальных чувств, социальной культуры.

Евреи – люди такие же, как и все, и – как все люди – евреи должны быть свободны,

– здесь и по сей день единодушный гуманистический пафос уступает место традиционному разномыслию как фило-, так и антисемитского толка.

Филосемитизм Горького явление уникальное! Его публичные декларации о еврейском вопросе в среде христианских писателей того времени не имеют аналогов, к тому же они чрезвычайно провокационны. Порой юдофильские манифесты Горького звучат как оскорбления в глазах тех, кто предпочитает якобы из политкорректности «стонать по поводу того, в чем все мы одинаково виноваты», вместо того чтобы, опираясь на чувство собственного достоинства, говорить горькую, но столь необходимую для своей же собственной пользы правду.

Поэтому весь комплекс биографических, психологических, культурных, политических и литературных элементов, на которых основывается отношение Горького к еврейству, требует особенно тщательного исследования, как по причине своей «затененности», так и вследствие постоянной актуальности «еврейской темы» в наши дни. Подобного рода по-настоящему пионерские литературные исследования, конечно же, требуют от писателя не только научной добросовестности в обращении с фактами, но, в силу их тенденциозной заостренности, и моральной щепетильности, оберегающей как от идеологической однобокости и морализаторства, так и от эксцессов постмодернистского эпатажа.

Марк Уральский успешно обошел вышеозначенные крайности видения при раскрытии темы «Горький и евреи» в своей одноименной книге, которая органично вписывается в обширный ряд его литературно-публицистических работ о роли еврейства в русской культуре «серебряного века».

Воссоздавая сложный образ Горького-филосемита, Марк Уральский скрупулезно исследует обширную научно-биографическую литературу о нем, а также письма и воспоминания современников. В частности, он старается показать противоречивость восприятия Горьким актуальной действительности: и революции, которую он столь жаждал и призывал, и факта массового появления евреев на русской литературной арене начала XX века, чему он лично всячески способствовал, и формальных исканий советской писательской молодежи, которую он опекал. В реконструкции образа Горького, заявляемой Марком Уральским, он как литератор стоит на весьма консервативных эстетических позициях. Такая точка зрения совпадает с мнением одного из младших современников писателя – Виктора Шкловского, который в конце 1920-х гг. отмечал, что:

Насколько можно разобраться в горьковской терминологии, он считает нормой языка – язык художественной прозы 90-х годов. Чисто временные правила и навыки этого времени кажутся Горькому литературными догматами. В этом нет ничего удивительного, и мы уже видали в живописи попытку сделать передвижничество осью мира [ШКЛОВСКИЙ (IV)].

Итак, в образе Горького писателя, мыслителя и общественного деятеля сфокусированы все внутренние противоречия, характерные для советской идеологии в целом. В первую очередь надо выделить конфликт между модернистской программой интенсивного экономического развития общества, которую столь приветствовал Горький, и консервативно-охранительской политикой в области литературы и искусства, проводимой большевикам с начала 1930-х гг. Говоря в марксистских терминах, здесь налицо был антагонистический конфликт между базисом и надстройкой, сыгравший свою роль в крахе советской модели социализма (имеется

в виду культура художественного андеграунда, выступавшая с конца 1950-х гг. резко критически по отношению к официальной идеологии и на этой почве конфликтовавшая с властью).

В этом конфликте «еврейский вопрос», который по мысли Горького-социалиста должен был автоматически уйти с повестки дня в обществе всеобщего равенства трудящихся, обретает новое звучание. Подъем шовинистских настроений и черносотенного антисемитизма, о которых предупреждал Горький в своей публицистике, проявился на «советской почве» уже после его кончины и достиг апогея в начале 1950-х гг. В результате столь ценная и опекаемая Горьким еврейская национальная культура по существу была в СССР искоренена.

В новой книге Марка Уральского приводятся также интересные данные о значении Максима Горького в истории русской философской мысли, ставится вопрос о марксизме и революции, особо подчеркивается несогласие Горького с марксистско-ленинской концепцией исчезновения еврейства в бесклассовом социуме, как якобы исторического анахронизма, рудимента феодально-капиталистического общества. Марк Уральский живо и подробно, с привлечением редких документальных материалов, описывает активность Горького-общественника в деле пропаганды еврейской литературы и поддержке еврейских писателей – Шолом-Алейхема, Хаима Нахмана Бялика, Шолом Аша и др., на русской литературной сцене. Особый интерес представляют освещаемые в книге малоизвестные факты политической биографии Горького: его поездка в США в 1906 г., контакты с американскими социалистами реформистского толка, в том числе с деятелями еврейского рабочего движения США, тесные дружеские отношения с видными деятелями русского и международного сионистского движения – Владимиром (Зевом) Жаботинским, Петром (Пинхусом) Рутенбергом и др. Особняком стоит семейная история отношений Горького с его приемным сыном Зиновием Пешковым.

В разделе, посвященном теме «Писатель и власть», рассматриваются отношения Горького с вождями русской революции: Лениным, Зиновьевым, Луначарским, Бухариным, Рыковым и др., вплоть до его последующего «союза» со Сталиным. Много добрых слов сказано автором о заступничестве Горького во времена большевистского террора, о невинных людях, которым он спас жизнь. Внесу в этот мартиролог и свою лепту. Все тот же свидетель времени, Виктор Шкловский, рассказывал такой эпизод:

У меня была (а может, еще и есть?) двоюродная сестра. Тогда ей было 15 лет. Она была левой эсеркой. Когда после неудачного эсеровского мятежа их брали, она отстреливалась. Ее приговорили к расстрелу. Мать пошла к Горькому. Горький говорил с Лениным. Ленин позвонил в ЧК и спросил – чем больна эта девушка. Ему ответили, что она здорова. Ленин сказал: когда вы научитесь понимать русский язык? Я не спрашиваю у вас – здорова она или больна. Я спрашиваю: чем она больна... Его поняли. Сказали, что у нее высокая близорукость.

Девочку освободили из-за болезни. Может быть, она еще жива где-то за границей [ШКЛОВСКИЙ (Ш)].

«Горький и евреи» – это очень живая, по-настоящему актуальная и честная книга, открывающая перед заинтересованным читателем неизвестные доселе страницы политической биографии великого русского писателя в широком культурно-историческом контексте истории русско-еврейских отношений.

Стефано Гардзонио
(Пизанский университет, Италия)

Горький и евреи

Тема, поднятая в книге Марка Уральского, до сего дня относилась к разряду «запретных по умолчанию». В советское время, даже в годы перестройки, говорить о близком знакомстве Горького с евреями и его филосемитизме было невозможно. Горьковеды рассказывали о его дружбе с почитаемым в СССР Шолом-Алейхемом, порой упоминали вскользь имена Х. Бялика, О. Грузенберга, Зиновия Пешкова... и этим «еврейская тема» в творчестве Горького исчерпывалась. До сего дня копнуть вглубь, тем более поднять огромный пласт столь необычной для классического горьковедения информации, в России никто не отваживался. В этом отношении автор книги «Горький и евреи», несомненно, проявил смелость: он заявил тему, обозначил ее концептуальные направления и раскрыл их в художественно-документальном ключе. Переработав массу книг и архивных документов, Марк Уральский представил на суд читателя свой взгляд на проблему, оставив при этом открытым целый ряд вопросов. Например, не-проясненным остался вопрос о скудности еврейской темы в художественных произведениях Горького, – писателя, который столь много внимания уделил ей в своей публицистике. Горький всегда был на гребне волны протестного движения русской интеллигенции против любых несправедливых действий царского правительства, в том числе ее борьбы с антисемитизмом. Его приверженность заветам русской демократической оппозиции особенно четко проявилась в деле Бейлиса, когда вслед за своим учителем В. Г. Короленко он одним из первых выступил в печати против несправедливости обвинения евреев в ритуальном убийстве. Расстановка концептуальных акцентов автором в теме «Горький и евреи» достаточно полемична. Порой, например, он склонен преувеличивать значение «еврейского влияния» на процессы, протекавшие в русской литературе конца XIX – начала XX в. Однако нельзя не согласиться с его базовой позицией: юдофильские настроения в самых широких слоях интеллигенции России начала XX в. усиливали чувства личной симпатии к еврейству, которые Горький испытывал, по его признанию, на «биохимическом» уровне. Полагаю, что и в условиях нынешних реалий эта книга, написанная ярко, с большим эмоциональным подъемом, не оставит читателя равнодушным.

Горький считал евреев «дрожжами» человечества, эта нация олицетворяла для него вечные искания духа и активную движущую силу, что отвечало его рано сложившимся революционным взглядам на существующее в мире общественное устройство. По отношению к России Горький особо негативно воспринимал веками культивируемый образ русского человека как пассивного наблюдателя, смиренного страдальца. Как-то раз в разговоре с Л. Толстым он сказал, что «любит людей активных, которые желают противиться злу жизни всеми способами, даже и насилием».

– А насилие – главное зло! – воскликнул Лев Николаевич и, чтобы смягчить жесткость своего возражения, дружески взял Горького под руку. Однако же «Яснополянский отшельник» не переубедил Горького, как не смогли переубедить его в отношении ко многим сокровенным вопросам бытия ни о. Иоанн Кронштадтский, ни Ленин с Марксом. При всей своей революционности и оправдании насилия как средства борьбы с различными формами мирового зла (в т. ч. антисемитизмом), Горький всегда пытался оставаться если не «над схваткой», как его многолетний друг и собеседник Ромен Роллан, то соблюдая внутреннюю дистанцию, так как осознавал, что навязывание чужой воли губительно для индивидуальности писателя. «Не принимать в свою душу чужое, нахально сорящее» – было его кредо.

Конечно, считать Горького совершенно «свободным» от диктата внешних сил художником было бы неверно. Однако наделенный от природы любознательностью, умом и темпераментом борца, он в высшей степени был отзывчив к человеческой боли, расположен к состраданию. Открытое сердце писателя болело болями всего мира, в том числе и скорбями еврейского

народа. Леонид Андреев очень метко назвал антисемитизм «горбом», который он, как каждый русский, ощущает на своей спине:

«Когда влез мне на спину “еврейский вопрос”? Я не знаю. Я родился с ним и под ним. Надо всем понять, что конец еврейских страданий – начало нашего самоуважения, без которого России не быть» (Из статьи «Первая ступень» в литературном сборнике «Щит», Москва. 1916). Для Горького «еврейский вопрос» стоял не только как моральная проблема: евреи были для него не интеллектуальной абстракцией, а народом, с которым он сошелся близко и душевно. Еще юношей, во время своих скитаний по юго-востоку Российской империи, он подвизался в качестве наемного работника в еврейской колонии на Украине, позже брал уроки иврита у одного самарского часовщика, а в зрелом возрасте основал «Общество по изучению жизни евреев», участвовал в издании сборника «Щит», в котором вместе с ним публиковались лучшие литераторы того времени: Л. Андреев, К. Бальмонт, В. Брюсов, И. Бунин, З. Гиппиус, Ф. Соллогуб, Д. Мережковский, Тэффи и др. (сборник имел успех и выдержал три переиздания). Секретарем редакции и ближайшим помощником Горького в подготовке сборника и газеты «Луч» был адвокат Соломон Познер, отец Владимира Познера, поэта, входившего в группу «Серапионовы братья». Горький принял участие в судьбе этого талантливого юноши и до конца жизни поддерживал с ним дружеские отношения. Существовала и более тесная связь: писатель стал крестным отцом Зиновия (Залмана) Свердлова, сына его друга, нижегородского гравера, старшего брата будущего первого главы большевистской России, к концу жизни бригадного генерала французской армии и кавалера ордена Почетного легиона. Зиновий, приняв фамилию Пешков, много лет провел под заботливым покровительством Горького, которого до конца жизни называл своим отцом.

Нахум Соколов, один из известных деятелей сионистского движения, писал о Горьком: «Он полагает, что когда-нибудь погромы станут лишь печальным достоянием истории» – и подвергал сомнению столь безоговорочный оптимизм писателя. Время показало, что, увы, он не ошибался. Сегодня, несмотря на то, что страшная реальность Холокоста осталась в прошлом, мы все также позволяем себе унижать других и молчать, когда нас унижают. Что-то порочное заложено, видимо, в самой природе Homo sapiens, и хотя Горький считал, что «человек – это звучит гордо», реалии XX в. и нашей повседневности отнюдь не свидетельствуют в пользу этого утверждения. «Горький и евреи» – это не только страницы биографии великого русского писателя, а книга, которая поднимает вопросы, относящиеся к разряду «вечных». Потому, наверное, некоторые линии в ней только намечены, причем весьма условно, что-то и вовсе не попало в поле зрения автора, который, впрочем, нисколько не стремится к «всеохватности», не претендует на исчерпывающую полноту. При этом книга поражает обилием цитат первоисточников – из мемуаров, дневников и писем современников, которые говорят сами за себя, тем самым заменяя авторские комментарии.

Человек, берущий в руки эту книгу, должен сознавать, что документальная проза такого качества – это отнюдь не развлекательное чтение. Она потребует от читателя и любознательности, и эрудиции, и сосредоточенности. Но за все это он будет вознагражден, ибо узнает много нового и о личности Горького, и о развитии сионистского движения в России, и о расколе еврейского национально-освободительного движения на две враждующие партии, и о том, как писатель в 1920-е годы спасал театр Габима, и какой спор о неправде и лжи возник между Горьким и его адвокатом Оскаром Грузенбергом, и об удивительной судьбе Зиновия Пешкова...

Несомненный литературный талант Марка Уральского и его способность свободно мыслить, без оглядки на стереотипы и авторитетные мнения, вызывают у меня симпатию к автору книги «Горький и евреи», и я желаю ей счастливой читательской судьбы (хотя «еврейское счастье» – это почти оксюморон).

Ольга Шуган

*(Институт мировой литературы РАН
им. А.М. Горького, Москва)*

Введение¹: Горький вчера и сегодня

*Марко уж нету... Но, все же,
О Марко хоть песня осталась.*

*А вы на земле проживете,
Как черви слепые живут:
Ни сказок про вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют!*

Максим Горький «Легенда о Марко»

Максим Горький фигура в пантеоне русской писательской славы и легендарная, и мифологическая. В его честь был названы самые разные объекты: пароходы и теплоходы, первый советский многомоторный самолет², город, поселки и улицы, колхозы и совхозы, театры, библиотеки, музеи и дворцы пионеров, многие из которых и по сей день носят имя «великого пролетарского писателя».

Можно понять, почему Ленин назвал Толстого «зеркалом русской революции»... Но именно Горький в гораздо большей степени заслуживает, чтобы его назвали «зеркалом русской революции», причем зеркалом чистым и незамутненным [АГУРСКИЙ. С. 74].

Если смотреть в него также и незамутненными предвзятостью глазами, то открывается смысловая ретроспекция Русской революции во всем ее историческом величии и глубочайшем трагизме. В ней яркими точками высвечиваются темы: «Ленин и Горький», «Горький социал-демократ и большевик», «Горький и вожди русской Революции», «Роман “Мать”», публицистические откровения «Исповеди» и «Несвоевременных мыслей», статьи «О русском крестьянстве», «Если враг не сдается – его уничтожают»... и в придачу ко всему громадное эпистолярное наследие —

около 20 тысяч писем, адресованных политическим и общественным деятелям, писателям и ученым всего мира, рабкорам, селькорам, «делегаткам», простым домохозяйкам и детям. Писатель переписывался едва ли не со всеми выдающимися людьми своего времени: Л. Н. Толстым, А. П. Чеховым, В. Г. Короленко, И. Е. Репиным, Ф. И. Шаляпиным, И. А. Буниным, Л. Н. Андреевым, А. М. Ремизовым, В. В. Розановым, М. М. Пришвиным, И. С. Шмелевым, М. А. Шолоховым, И. Э. Бабелем, В. Ф. Ходасевичем, Б. Л. Пастернаком, М. М. Зощенко, А. П. Платоновым, П. Д. Кориным, К. С. Станиславским, В. И. Немировичем-Данченко и многими другими.

<...> с политическими, общественными и государственными деятелями: г. В. Плехановым, В. И. Лениным, И. В. Сталиным, Л. Д. Троцким. Л. Б. Каменевым, Н. И. Бухариным, А. И. Рыковым, Г. Е. Зиновьевым, М. Н. Томским, В. М. Молотовым, С. М. Кировым, Г. Г. Ягодой, А. В. Луначарским,

¹ Автор выражает глубокую признательность профессору Лидии Спиридоновой (ИМЛИ, Москва) за постоянную моральную поддержку и профессиональные консультации в процессе написания книги, а также профессору Владимиру Хазану (Иерусалимский еврейский университет), любезно взявшему на себя труд прочесть манускрипт и высказать свои замечания.

² На момент создания это был самый большой самолет в мире. Длина фюзеляжа, имевшего прямоугольное сечение, составляла 32,5 метра, ширина – 3,5 метра, высота – 2,5 метра. Огромные размеры позволяли разместить пассажиров не только в фюзеляже, но и в центральной части крыла, толщиной свыше двух метров [САМОЛЕТ «МГ»].

А. А. Богдановым, Г. А. Алексинским, В. Л. Бурцевым, В. Е. Жаботинским, Б. Николаевским и др.

<...> с крупнейшими учеными России и мира: И.П. Павловым, К.А. Тимирязевым, А.Д. Сперанским, К.Э. Циолковским, Л.Н. Федоровым, А.Н.Бахом, Ф.А. Брауном, В. Оствальдом, Ф. Нансеном, А.М. Игнатьевым, С.Ф. Ольденбургом, Н.А. Семашко, С.И. Метальниковым и мн. др.

Среди иностранных корреспондентов Горького – Б. Шоу, Р. Роллан, А. Франс, г. Уэллс, Ф. Нансен, К. Гамсун, г. Гауптман, Б. Брехт, С. Цвейг, Л. Барбюс, К. Каутский, М. Хилквит и другие [СПИРИДОНОВА (II). С. 10].

Без Горького невозможно понять глубинные народные корни большевистской революции, которую нельзя рассматривать только через марксистскую призму [АГУРСКИЙ. С. 74].

Сам Горький, говоря о своей роли в русской Революции, писал:

Первейшей задачей революции я считал создание таких условий, которые бы содействовали росту культурных сил страны... Ради этой цели тотчас после февральского переворота весной 17 года была организована «Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук» – учреждение, которое ставило задачей своею, с одной стороны, организацию в России научно-исследовательских институтов, с другой – широкую и непрерывную популяризацию научных и технических знаний в рабочей среде [ГОРЬКИЙ (III). Т. 20. С. 28].

Всеохватность исторической фигуры Горького, включающей в себя отражения «проклятого прошлого», трагедии «великого Разлома» и иллюзии «светлого будущего», во многом связана с той ролью, которую по воле судьбы он играл в культурной и общественно-политической жизни России первой половины XX в. Горький был востребован повсеместно, ибо всегда, так или иначе, «наводил мосты»:

между социализмом и ницшеанством, классикой и новой русской литературой, Россией и Западом, эмиграцией и СССР, большевистской властью и интеллигенцией, Сталиным и новой культурной элитой и т. д. У Горького выстраивались уникальные отношения с очень разными писателями и мыслителями (Ницше, Достоевским, Толстым, Чеховым, Андреевым, символистами, реалистами, новыми советскими писателями, Лениным, Сталиным, Роменом Ролланом и многими другими), с очень разными понятиями, такими как Бог, Свобода, Человек, Правда, Социализм. Он имел очень необычное для русской литературы отношение к русскому народу, евреям, насилию, жалости.

<...>

Словом, Горький – звезда невероятной яркости, интенсивности и влияния, среди русских писателей – «замечательных людей» – самый сложный персонаж для биографии [ДОБРЕНКО (III)].

Всем этим во многом объясняет феномен его извечной «актуальности»: на протяжении более ста лет (sic!) Горький неизменно притягивает к себе внимание литературных критиков, литературоведов, культурологов и писателей, подвигающихся в области документальной прозы³. И хотя песен о нем не сложили, существует немало легенд, конспирологических

³ См. например, библиографические указатели «Литература о М. Горьком» [ЛОМГ].

мифов, а также всякого рода очернительских домыслов, касающихся его личности и страниц биографии.

До сих пор у историков литературы вызывает удивление, как уникальное в литературной среде явление, динамика обретения Горьким писательской славы: короткий период неизвестности (1892–1897), колоссальная продуктивность первых 15 лет деятельности, сопровождавшаяся шумным успехом у публики в России и за рубежом (1891–1906⁴) и последующая известность как классика не только русской, но и мировой литературы, основоположника нового направления в искусстве – социалистического реализма.

«Карьера Горького замечательна, – писал впоследствии князь Д. П. Мирский, – поднявшись со дна провинциального пролетариата, он стал самым знаменитым писателем и наиболее обсуждаемой личностью в России... его нередко ставили рядом с Толстым и безусловно выше Чехова». В 1903 году было продано в общей сложности 103 тысячи экземпляров его сочинений и отдельно 15 тысяч экземпляров пьесы «Мещане», 75 тысяч экземпляров пьесы «На дне». В то время такие тиражи считались огромными. <...> Успех немецкой версии «На дне» был настолько ошеломляющим, что она затем выдержала 300 (!) спектаклей подряд, а весной 1905 года уже отмечалось 500-е представление «На дне» в Берлине [БАСИНСКИЙ (I). С. 27 и 36].

На долгие годы вчерашний провинциал Горький становится кумиром русской читающей публики.

Провинциал... Уже толпой за ним
Ходил народ в театре, на вокзале.
По всей стране рабочие считали
Его своим. «Наш Горький! Наш Максим!»

Как бы случайно взятый псевдоним
Был вызовом, звучал программой четкой,
Казался биографией короткой
Тому, кто был бесправен и гоним.

Мы, юноши глухого городка,
Давно запоем Горького читали,
Искали в каждом вышедшем журнале,
И нас пьянила каждая строка⁵.

Горький был в СССР третьим по числу издаваемых книг русским классиком, уступая здесь пальму первенства лишь А. С. Пушкину и Л.Н. Толстому, и самым издаваемым советским писателем. За 1918–1986 гг. общий тираж 3556 изданий его книг составил 242,621 млн. экземпляров! [НЕМИРОВСКИЙ, ПЛАТОВА. С. 292, 308],

– а по его произведениям с 1919 г.⁶ по 2016 г. поставлено 130 фильмов⁷.

⁴ За этот период написано подавляющее большинство литературных произведений Максима Горького. Самые значительные из них в эти же годы были переведены на основные европейские языки.

⁵ Из стихотворения-воспоминания Самуила Маршака «Молодой Горький» (1954 г.)

⁶ Первым экранизированным произведением Горького является пьеса «На дне», по которой режиссером Рудольфом Мейнертом (Германия) был поставлен кинофильм «Nachtsyl».

⁷ См.:URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/978777/>

В славе молодого Горького действительно было что-то ненормальное, сверхъестественное [БАСИНСКИЙ (I). С. 36].

И ведь действительно, не прошло и трех лет как Горький «засветился» в большой литературе, и вот он уже звезда первой величины! О нем пишут ведущие литературные критики России и Европы. Более того, всемирная литературная слава, – а Горький, как и большинство художников был амбициозен и очень чувствителен к тому, что античные римские авторы называли «*plaudite, cives*» («хлопайте, граждане»), в советское время было официально клишировано как «Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию», – сопровождала его до конца жизни.

Первые *литературоведческие* книги о Горьком вышли в России еще на заре „Серебряного века» – *Адрианов С. А.* «На дне» Максима Горького, СПб. 1903 г. и *Стечкин Н. Я.* Максим Горький: его творчество и его значение в истории русской словесности и в жизни русского общества, СПб. 1904 г.

Нельзя здесь не отметить забавную книгу «Максим Горький в карикатурах и анекдотах» [РУСАКОВ], в которой также особо отмечается, что

сын бедного нижегородского обойщика, осиротевший на четвертом году жизни <...>, не получивший никакого образования, много на своем веку голодавший и претерпевший массу невзгод, – Горький, на 33 году жизни, становится вполне обеспеченным человеком, одним из самых известных самых популярных людей в России, одним из самых модных и наиболее читаемых писателей всей Европы. <...> такая быстрая жизненная <и литературная> карьера представляет нечто необычное, из ряда вон выдающееся, совершенно новое [РУСАКОВ. С. 2].

Уже в 1905 г. английский литературный критик Джеймс Хьюнекер в книге об актуальных драматургах – «Иконоборцы», причислял Горького к числу самых известных писателей своего времени – таких как Ибсен, Стриндберг, Гауптман, Зудерман, Д’Аннуцио, Метерлинк, Бернард Шоу и др. [HUNEKER].

На сегодняшний день библиографический указатель «Литература о Горьком» – фундаментальный свод литературы о жизни и творчестве писателя, насчитывает уже восемь выпусков [ЛМГ]: первая книга – «Критика о М. Горьком» вышла в 1934 г. [БАЛУХАТЫЙ], а девятая находится в стадии подготовки к публикации.

Повсеместная известность в годы зрелости, несомненно, превратила Горького в «классика миро-вой литературы», а посмертный культ личности создал из Горького-писателя, «образ для почитания». В течение семидесяти лет в СССР и странах социалистического лагеря ему пели дифирамбы, превозносили до небес. Но и в западной литературной критике при всем ее скептическом, а то и резко негативном отношении к личности Горького, как русский писатель-классик он пользовался заслуженным уважением – см., например, [WEIL]. В 1924 г. Чуковский, собрав воедино свои сновные статьи о Горьком⁸, опубликовал книгу «Две души Максима Горького» [ЧУКОВСКИЙ (II)], в которой четко обозначил базовые мировоззренческие позиции, проживавшего в то время за границей (в Сорренто) писателя. Эта книга Корнея Чуковского, помимо литературно-критических достоинств и отсутствия «хрестоматийного глянца», обладает еще бесценным качеством актуального переживания «свидетеля времени». Чуковский – в те годы уже матерый литературный критик, писал:

⁸ Чуковский обратил внимание на Горького уже в своих первых статьях, которыми он дебютировал в 1900-х годах на страницах газеты «Одесские новости», затем последовали крупные критические работы «Максим Горький» (в кн.: «От Чехова до наших дней». СПб, 1908), «Пфуль» (М. Горький. «Городок Окуров», «Матвей Кожемякин», «Исповедь») – в «Книге о современных писателях». СПб, Шиповник, 1911 и, наконец, «Две души М. Горького». Л., Изд-во «А. Ф. Маркс», 1924.

Трагедии бытия, мучившие прежних великих писателей, Горький заменил трагедиями быта. Кроме публицистических, социальных вопросов, он не знает никаких других.

Как могла возникнуть такая философия?

<...>

Горький вообще мыслит без оттенков и тонкостей. В его художественных образах бездна нюансов, а мысли элементарны, топорны, как бревна, и так же, как бревна, массивны – этикие дубовые, тысячепудовые тумбы; их не прошибешь никакой диалектикой, так они монументальны и фундаментальны; о них хоть голову себе разбей, а их не сдвинешь. Если наша гибель – Восток, то наше спасение – Запад, а если наше спасение Запад, – то – к черту все, что не Запад!

<...>

Никакая среда не может назвать его своим. Всех своих героев, оторванных от корня, от почвы, он создает по образу и подобию своему. Только такие ему и удаются, – неприкаянные. <...> Сам он ни к чему не прилеплен. Оттолкнулся от Азии, но европейцем не сделался. Проклял деревню, но в городе не нашел себе места. Прильнул к интеллигенции, но внутренне остался ей чужд. Всю жизнь он на перекрестке дорог.

Корнею Чуковскому пришлось немало претерпеть за свои ранние работы о Горьком. Партийные идеологи считались их злонамеренным искажением образа основоположника социалистического реализма, советской литературы, лучшего друга вождей, пионеров и чекистов. Сам Горький, надо отдать ему справедливость, при всем своем писательском самолюбии на Чуковского зла не затаил и тот в тяжелые годы сталинизма пользовался охранным статусом – «друг Максима Горького»⁹, хотя с литературной критикой ему в советское время пришлось завязать. Интересно, что в двухтомной «Истории русской критики», изданной Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) в 1958 году, не было не только статьи о Чуковском, как об одном из ведущих литературных критиков «Серебряного века», мастере «разгромного фельетона», но даже упоминания его имени.

После распада СССР Горького подвергли остракизму, однако на пороге Миллениума его решили все же вернуть русской культуре, в новом, очищенном от идеологической ретуши и позолоты качестве.

В современной «песне о Горьком», как правило, имеет место сочетание дифирамбов и полинодии. Такого рода подход нельзя не признать вполне разумным, ибо он позволяет включать в анализ фигуры Горького все противоречивые качества, что ей присущи. Ведь и сам Горький устами Льва Толстого («Лев Толстой. X») утверждал, имея, возможно, в виду себя, что:

Так называемые великие люди всегда страшно противоречивы. Это им прощается вместе со всякой другой глупостью. Хотя противоречие не глупость: дурак – упрям, но противоречить не умеет.

С точки же зрения современной оценочной шкалы за Горьким, как ни за одним другим из русских писателей-классиков, числится много «чистого» и «нечистого». Начнем с «нечистого», ибо оно-то и определяет уникальность идейно-психологического типа писателя. Здесь речь идет и в основном, и в частности, в первую очередь, конечно, об общественно-полити-

⁹ Дружеские отношения между этими писателями завязались в 1916 г., когда Чуковский принял предложение Горького возглавить создаваемое им издательство «Парус». Впоследствии Горький, уже в ранге «друга Ленина и Сталина», всегда покровительствовал Чуковскому, неизменно выказывая по отношению к нему свое дружеское расположение. Чуковский в свою очередь, «чтоб возможно было жить», кардинально изменил ракурс видения личности Горького – с героико-аналитического на субъективно-апологетический.

ческой деятельности писателя. Именно она в своей жизненной конкретике является наглядной иллюстрацией мировой трагедии, поставленной Историей человечества под названием «Великий русский эксперимент».

В вину Горькому, если вдуматься, ставится отнюдь не особый радикализм его мировоззрения и не его политическое манифестирование – «многоглаголивость», постоянно накалявшее общественный климат российской жизни конца XIX – начала XX века, а редкое для художника-интеллектуала умение воплощать свои мировоззренческие идеи в жизнь. Наглядный пример такого рода жизненной активности являет многолетнее выкармливание Горьким экстремистского крыла русской социал-демократической рабочей партии – большевиков.

Начиная с 1903 года он

...регулярно помогал социал-демократам денежными средствами. Тогда же он сблизился с большевиками. Одной из причин была любовь к актрисе Художественного театра М. Ф. Андреевой, тесно связанной с Л. Красиным и другими руководителями партии. Известно, что В. Ленин дал ей кличку Феномен, подчёркивая необычную для светской дамы, красавицы и жены генерала увлечённость революционными идеями. С начала 1903 г. Горький стал часто бывать в доме Марии Фёдоровны, а осенью того же года она стала его гражданской женой. Влюблённый, «как 366 000 гимназисток», он давал на нужды революции не только свои деньги, но и собирал пожертвования богатых фабрикантов и купцов. Впоследствии писатель признался: «За время с 901-го по 917-й год через мои руки прошли сотни тысяч рублей на дело российской социал-демократической партии, из них мой личный заработок исчислялся десятками тысяч, а всё остальное черпалось из карманов «буржуазии» [СПИРИДОНОВА (IV)].

Марк Алданов, известный своей исключительной честностью, дружелюбием и уважением к «фактам» истории, писал, что Горький завязал

немалые связи в <кругах> высшей русской буржуазии и даже отчасти в аристократических кругах. Надо ли говорить, что он прекрасно знал литературные круги: тут его знакомства шли от «подмаксимок» (так называли когда-то его учеников и подражателей) до Льва Толстого. Из интеллигенции, связанной преимущественно с политикой, он хорошо знал социал-демократов. Помню его рассказ – поистине превосходный и художественный – о Лондонском социал-демократическом съезде 1907 года, краткие характеристики главных его участников. Не могу сказать, чтобы эти характеристики были благожелательны. Горький недолюбливал Плеханова, которого считал барином, чтобы не сказать снобом. Недолюбливал и других меньшевиков. Кажется, из всех участников съезда он очень высоко ставил только Ленина. Но зато о Ленине он – повторяю, задолго до своего окончательного перехода к большевикам – отзывался с настоящим восторгом. Он его обожал.

<...>

Но в отсутствие коммунистов он об их вождях, за одним единственным исключением, отзывался самым ужасающим образом – только разве что не употреблял непечатных слов (он их не любил). Особенно он поносил Зиновьева и зиновьевцев (разумеется, ошибочно приписывать это антисемитизму: по этой части Горький был совершенно безупречен всю жизнь). Исключением был тот же Ленин [АЛДАНОВ].

Другой хорошо осведомленный свидетель времени – Николай Валентинов пишет в своих воспоминаниях:

Официальным издателем <большевицкой газеты «Новая жизнь»¹⁰ была> М. Ф. Андреева, жена в то время М. Горького. В одном из примечаний к 10-му тому 4-го, «очищенного», издания сочинений Ленина, на странице 479-й, указывается, что газете «большую материальную помощь» оказал М. Горький. Из собственного кошелька Горький, кажется, ничего не вложил в газету. Он был только влиятельным посредником. Он привлек для поддержки газеты купца Савву Морозова и <его родственника Николая> Шмидта <...>¹¹. Большевики оказались великими мастерами извлекать с помощью сочувствующих им литераторов, артистов, инженеров, адвокатов – деньги из буржуазных карманов <...>. Большим ходяком по этой части был член большевистского Центрального комитета инженер Л. Б. Красин, и еще более замечательным ловцом купеческих и банковских бабочек, летевших на большевистский огонь, был М. Горький, умевший вытягивать деньги и на «Новую жизнь», и на вооружение, и на всякие другие предприятия [ВАЛЕНТИНОВ. С.14–15].

Февральскую революцию Горький, воспринял с меньшим воодушевлением, чем большая часть русской интеллигенции, а Октябрьский переворот, совершенный большевиками во главе с его другом Лениным – однозначно негативно.

В статье «Нельзя молчать!», опубликованной 18(31) октября, он писал:

На улицу выползет неорганизованная толпа, плохо понимающая, чего она хочет, и, прикрываясь ею, авантюристы, воры, профессиональные убийцы начнут творить «историю русской революции.

Горький не был с «красными», поскольку не прошел перерегистрацию РСДРП(б), членом которой формально являлся с 1905 года, но и не перешел к «белым», как грозился сделать в одном из писем к Ленину тех лет.

В сущности М. Горькому почти одинаково чужды и белые, и красные (правда, он все-таки предпочитает быть расстрелянным «белыми») – и те, и другие враги гуманистических принципов, которые <он> в то время ставил превыше всего. Ему ближе всего некий третий путь, основанный на этих великих принципах. Однако в реальных условиях современной России, в условиях всеобщей анархии и разрухи М. Горький не видел другой реальной силы, способной навести хоть какой-то порядок в стране, кроме большевиков и их власти. Отсюда и утверждение М. Горького <...> «что, тем не менее, работать с советским правительством необходимо».

Позиция М. Горького этого времени очень близка к позиции социал-демократов – меньшевиков (кстати, легально действовавших в те годы в Советской России), которые точно также выступали на два фронта – и, и против красных, и против белых. Собственно, в какой-то мере такова было и позиция левых эсеров [ISAKOV S.G. P. 155].

¹⁰ То была странная газета, если судить по опубликованному списку имен ее сотрудников. С одной стороны, беспартийные писатели – поэты, символисты, декаденты, мистики, вроде Минского, Гиппиус, Бальмонта. С другой стороны, партийцы большевики – Богданов, Румянцев, Базаров (два первых – члены Центрального Комитета большевиков) и М. Горький, с политически шедшими за ним писателями – Л. Андреевым, Е. Чириковым, Скитальцем и др. [ISAKOV. С.14].

¹¹ Именно Морозов представил Шмидта Горькому. Польщенный знакомством с известным писателем, Шмидт через него начал помогать большевикам, давал деньги на «Новую жизнь» и на оружие [ВАЛЕНТИНОВ. С. 15].

Как справедливо отмечал близко знавший и многим обязанный Горькому Виктор Шкловский, в общем и целом:

Революция была ему тяжела. Убытки революции приводили его в ужас [ШКЛОВСКИЙ].

Однако все ужасы, страхи, сомнения вкупе с полученной по наследству от революционных демократов критической «русофобией» растаяли у него в середине 1920-х годов в лучах восходящего солнца сталинизма. На их месте расцвела у Горького столь пафосная вера в будущность русского человека, что **по форме выражения** она вполне совпадала с лозунгами итальянских фашистов и нарождающегося Третьего Рейха, чьи практики, напомним, в области подавления инакомыслия, борьбы с непримиримыми «врагами» и перевоспитания в трудовых лагерях социальных отщепенцев были весьма схожи, а в ряде случаев идентичны с теми, что использовали советские большевики:

Моя радость и гордость – новый русский человек, строитель нового государства. Товарищ, знай и верь, что ты самый необходимый человек на Земле. Делая своё маленькое дело, ты начал создавать действительно новый мир [ГОРЬКИЙ (I). Т. 24. С. 145].

Благодаря дружеским отношениям Горького со многими Вождями партии большевиков и в первую очередь Лениным и Сталиным, ему позволялась такая степень «личного мнения», которая в случае всех других «пламенных революционеров», рано или поздно, заканчивалась расстрелом. Официально считалось, что отношение к Горькому определялось с «ленинских позиций», а Ленин, по утверждению Луначарского, даже порицая с партийных позиций

заблуждения Горького, <...> неуклонно и всегда считал его пролетарским писателем. Ленин считал, что Горький во всех этих случаях, даже в худших из них, не оказывается за пределами пролетарской культуры, что критика по отношению к нему являлась самокритикой, в результате которой выправлялась общая линия. Эта глубокая уверенность Ленина, что Горький может делать ошибки, оступиться, но не уйти, питалась каждый раз историческим анализом положения, – и каждый раз Ленин оказывался прав. Горький, сделав ложный шаг, прислушивался к тому, что говорит партия, проверял себя и исправлял свои ошибки [«Горький-художник». ЛУНАЧАРСКИЙ (I). С.124].

Несмотря на все свои «заблуждения»: жесткую критику политики большевиков в годы Революции и гражданской войны, шатания и колебания в 1920-х годах, Горький всегда был связан с большевиками «кровью сердца». При этом следует помнить, что как рядовые большевики, так и вожди партии отнюдь не были послушными «соглашателями» в отношении «ленинского курса». Вот, например, что писал Леонид Красин жене в ноябре 1917 года:

Все видные б<ольшеви>ки (Каменев, Зиновьев, Рыков (Алексей-заика) etc.) уже откололись от Ленина и Троцкого, но эти двое продолжают куролесить, и я очень боюсь, не избежать нам полосы всеобщего и полного паралича всей жизни Питера, анархии и погромов. Соглашения никакого не получается, и виноваты в этом все: каждый упрямо, как осёл, стоит на своей позиции, как б<ольшеви>ки, так и тупицы с<оциалисты>-р<еволюционе>ры и талмудисты меньшевики. Вся эта революционная интеллигенция, кажется, безнадежно сгнила в своих эмигрантских спорах и безнадежна в своём сектантстве [КРАСИН. С. 13].

<...>

...в судьбах и жизненных поворотах Красина и Горького было немало общего: оба они, повинаясь импульсу, пошли вместе с большевиками накануне и во время революции 1905–1907 гг. (в квартире Горького находилась организованная Красиным оружейная мастерская); оба они во время революции и непосредственно после нее энергично занимались финансовыми вливаниями в большевистскую деятельность, в частности усиленно выдавая С.Т.Морозова; оба порвали с большевиками после революции, а в 1917 г. заняли резко антиэкстремистскую позицию; оба, наконец, возвратились к большевикам после Октября (Горький позже, в конце лета – начале осени 1918 г., Красин на полгода с лишним раньше) [КРАСИН. С. 4].

Пока Ленин находился у власти подобного рода разномыслие вкупе с последующим соглашательством и признанием собственных ошибок являлись нормой партийной жизни. Ситуация кардинально изменилась после смерти Ленина, когда, начиная с конца 1920-х годов Сталин повел жесткую политику «одна партия, один Вождь». Партийные дискуссии теперь уже не проходили по принципу «Милые бранятся – только тешатся», а превращались по сути своей в кампании массовой зачистки партийных рядов от инакомыслия. Теперь уже даже малейший шаг в сторону от «генеральной линии партии», т. е. точки зрения Вождя и его присных, означал в ближайшей перспективе расстрел или ГУЛАГ. Даже находясь за тысячи километров от Москвы, Горький не мог не почувствовать, что ветер переменился. К концу 1920-х годов у него в Политбюро уже не оставалось друзей. Умело дистанцируясь от политических разборок и обладая верным нюхом «на лидера», Горький именно в это время завязывает «крепкую дружбу» со Сталиным. Это было умно и дальновидно. Что касается партии большевиков, из которой он формально уже как бы выбыл, то она «засчитала ему это в праведность». Сталин посчитал необходимым во что бы то ни стало вернуть Горького на родину [УАЙЛ (I)].

Не одна миссия снаряжалась в Сорренто, чтобы убедить «буревестника вернуться в Советский Союз.

<...>

В конечном счете, Советы своего добились и уломали Горького. Верность ли революционным идеалам юности, сентиментальная ли привязанность к родине, желание сделать то, что один лишь он мог сделать для русской литературы, жажда ль славы и поклонения, наверняка ожидавших его в Советском Союзе, – трудно сказать, какие чувства и в каких пропорциях вынудили его навсегда вернуться в страну, которая теперь казалась ему столь отличной от старой России, чью азиатчину он некогда распинал. [УАЙЛ (II). С. 31].

Немаловажным, несомненно, являлось и неустойчивое финансовое положение писателя. Привыкший жить на широкую ногу, открытым домом, Горький, из-за снижения тиражей его публиковавшихся за рубежом книг, серьезно зависел от денег, получаемых из СССР. Несмотря на его былую роль финансового донора большевиков, Кремль недвусмысленно давал понять писателю, что в дальнейшем оплачивать его сидение на двух стульях он не собирается. И Горький принял решение – вернуться в СССР.

Для большинства эмигрантов возвращение в сталинскую Россию было предательством всего гуманного, что отстаивал прежде Горький.

<...>

<Напротив>, трудно переоценить ликование, в Советском Союзе, когда стало известно, что Горький «возвращается домой». У Сталина и его окружения могли быть свои соображения на сей счет, но основная масса русского (и, вероятно, не только русского) населения Советского

Союза испытывала чувство глубокого удовлетворения от возвращения их литературного эмиссара за границей. Эти восторженные чувства выливались в демонстрации, понять которые могут лишь те, кто наблюдал российскую жизнь тех лет. Многие тогдашние манифестации засняты на киноплёнку, и по фильмам можно составить представление о примечательной внешности Горького и тех чувствах, которые обуревали его во время путешествий по Советскому Союзу. Но в фильмах заснята и огромная усталость Горького – она, уверен, появилась не только в результате утомительных странствий, но и по причине тяжкого бремени, которое он долго нес как «не эмигрировавший эмигрант» [УАЙЛ (II). С. 31].

Прибыв на родину в 1928 году, в свой 60-летний юбилей, Горький был не только встречен всенародным ликованием, но и обрел здесь, под крылом «Вождя народов» – тов. Сталина, статус «неприкасаемого», «всеохватываемого» и «благодеяющего» пролетарского писателя. В бытовом отношении он, после окончательного переезда в СССР, получил от своего нового «друга» вполне царские подарки: дом в Москве¹², дачу в Подмоскowie¹³, виллу в Крыму¹⁴. Благодеяние Горького выглядит воистину фантастическим. На его проживание государством выделялись огромные средства. Вот, например:

Секретный лист хозяйственных расходов 2-го отделения АХУ НКВД: «По линии Горки-10. По данному объекту обслуживалось три точки: дом отдыха Горки-10, Мал. Никитская, дом в Крыму «Тессели». Каждый год в этих домах производились большие ремонты, тратилось много денег на благоустройство парков и посадку цветов, был большой штат обслуживающего персонала, менялась и добавлялась мебель и посуда. Что касается снабжения продуктами, то всё давалось без ограничений.

Примерный расход за 9 месяцев 1936 г. следующий:

- а) продовольствие руб. 560 000
 - б) ремонтные расходы и парковые расходы руб. 210 000
 - в) содержание штата руб. 180 000 г) разные хоз. расходы руб. 60 000
- Итого: руб. 1 010 000

Кроме того, в 1936 г. куплена, капитально отремонтирована и обставлена мебелью дача в деревне Жуковка № 75 для Надежды Алексеевны (невестка Горького. – М. У.). В общей сложности это стоило 160 000 руб. <...> Семья Горького обходилась государству примерно в 130 000 рублей в месяц¹⁵ [СПИРИДОНОВА (V). С. 160–161].

Такие щедроты дарованы были Горькому отнюдь не за один только верный нюх и былые заслуги. Поскольку, по мнению Сталина и его приближенных, существовал:

¹² Бывший особняк купца С. Рябушинского, известного до Революции мецената и коллекционера древнерусской живописи, построенный в стиле раннего московского модерна архитектором Ф. О. Шехтелем.

¹³ Бывшая усадьба «Горки» известного до Революции мецената и коллекционера древнерусской живописи, построенный в стиле неоклассицизма архитектором В.А. Адамовичем.

¹⁴ Имение «Тессели»), расположенное в поселке Фарос (Южный Крым) – двухэтажный особняк в классическом стиле, возведенный в 1889 г. для чайного магната А. Г. Кузнецова, на землях, когда-то принадлежавших роду Раевских. Мозаичная кладка здания выполнена из инкерманского камня, в качестве штукатурки на стенах использован серый известняк. На втором этаже находится обширный вестибюль, стены которого украшены холстами известного на рубеже

¹⁵ Для сравнения напомним, что в 1937 г. Председатель и зампредседателя союзного Верховного Совета СССР получали зарплату 25 000 рублей в месяц (166,6 средних зарплат)» – см. «Все жили вровень, скромно так...»: URL: <http://www.historicus.ru/1258/>

...целый ряд таких проблем, которые не могут не ускользнуть от политических вождей и которые не могут ускользнуть от великого пролетарского художника.

– Горькому было однозначно указано, что

Наша любовь к нему не ограничивается эстетическим восторгом, не ограничивается благодарностью и чувством благоговения, напротив – все это мы считаем менее важным. Наша любовь – требовательная любовь, и потому, что мы ненасытны, мы хотим учиться, а Горькому есть чему нас учить [«Горький-художник». ЛУНАЧАРСКИЙ (I). С. 140].

XIX–XX веков художника – академика Ю. Ю. Клевера. До Революции Горький и Шаляпин гостили здесь у тогдашних владельцев в 1916 г.

Но учить он должен был тому, что *нам* надо, и видеть наши *проблемы* таким образом, как *нам* надо. За право же на заступничество, «высокое положение арбитра по культурным вопросам» и курящийся ему фимиам Горький должен был платить. И он это делал исправно, с творческим энтузиазмом, оставив в прошлом свои сомнения и колебания в оценке методов, с помощью которых большевики вели Россию в «Светлое будущее». Да и:

На что нужна правда, когда она камнем ложится на крылья?¹⁶

Среди особо одиозных «выплат» Горького эпохи первых сталинских пятилеток отметим воспевание подневольного труда в качестве инструмента перековки сознания, восхваление карательных органов власти как инструмента создания человека нового общества, приятельские отношения с Генеральным комиссаром государственной безопасности, беспринципным убийцей Генрихом Ягодой.

Встречи с Ягодой продолжились, превратившись в почти ежедневный ритуал. Деловые отношения как-то непроизвольно превращались в личные. Ягода стремительно и неотвратно входил в их жизнь. Да, в их жизнь – и отца, и сына... Умению профессионального чекиста располагать к себе помогала и сентиментальность Горького, который смутно помнил своего земляка еще по Нижнему Новгороду, тот жил неподалеку

<...>

Горького связывали с Ягодой не только ностальгические воспоминания о родном городе, но и трезвый расчет: от Ягоды зависели судьбы тех, чьим заступником мог бы он стать. Макс <сын Горького Максим Пешков> – «старый» чекист – легко находил общий язык с Ягодой, который старался удовлетворять любую его прихоть и даже упреждать его желания, предлагая то, что заведомо будет тому по душе [ВАКСБЕРГ. С. 227].

Подружился Горький и с другим своим опекуном – помощником Ягоды Матвеем Подрубинским (Мотя):

милейший <...> гувернер мой, человек неукротимой энергии. Славный он. Чем больше узнаю его, тем более он мне нравится [ВАКСБЕРГ. С. 228].

Да и с ближайшими соратниками Сталина – Молотовым и Ворошиловым, отношения у него были вполне товарищескими. К ряду главных политических «заслуг» Горького как апологета советской идеологии следует также отнести его идейную роль в создании пресловутого метода «социалистического реализма».

¹⁶ Горький М. О чиже, который лгал, и о дятле – любителе истины (1893 г.).

...без авторитета Горького, сумевшего с поразительной убедительностью и энергией собрать осколки зеркала русской революции в волшебное зеркало сталинизма – соцреалистическую эстетику, – свести воедино в некую систему все бытующие тогда в марксистской критике воззрения было бы очень сложно [ДОБРЕНКО (I). С. 62].

Дискуссия о «социалистическом реализме» – уникальном эстетическом феномене XX столетия, продолжается до сих пор, перейдя, впрочем, из сферы выражено идеологической в сугубо научную см. [СОЦРЕАЛКАНОН].

В докладе на Первом съезде писателей (1934 г.) Горький так в общих чертах сформулировал методологию соцреализма:

Вымыслить – значит извлечь из суммы реально данного основной его смысл и воплотить в образ – так мы получим реализм. Но если к смыслу извлечений из реально данного добавить – домыслить, по логике гипотезы – желаемое, возможное и этим еще дополнить образ, – получим тот романтизм, который лежит в основе мифа и высоко полезен тем, что способствует возбуждению революционного отношения к действительности, отношения, практически изменяющего мир.

<...>

Образ здесь – это синтез семантического (идеологического) контекста с изображением (вербальным или визуальным). Этот синтез порождает не только соцреализм, но и продукт этого «реализма» – сам социализм. «Писать правду» – значит описывать уже преобразенную реальность – «социализм» [Добренко (I). С. 64].

У Горького такой подход наглядно демонстрируется в особо одиозной для современного читателя книге «Беломорско-Балтийский канал им. Сталина: История строительства» (М., 1934), в которой он является автором предисловия. Описывая трудовые подвиги советских рабов, вдохновляемых чутким руководством органов ОГПУ-НКВД,

Горький восторгается политикой, которая кажется ему верной, и намеренно не замечает того, что было видно всякому. Это устройство горьковского глаза отпечаталось на годы в соцреалистической эстетике [ДОБРЕНКО (III)],

– которая утверждает, согласно определению Андрея Синявского, данному в форме иронического парадокса, что:

Желаемое – реально, ибо оно должное. Наша жизнь прекрасна – не только потому, что мы этого хотим, но и потому, что она должна быть прекрасной: у нее нет других выходов [СИНЯВСКИЙ. С. 438].

Развивая на практике предначертания Горького партия превратила творческую интеллигенцию из скопища бунтарей одиночек в хорошо организованную и управляемую армию «инженеров человеческих душ»¹⁷ – надежный инструмент идеологической обработки общества, для которого эти спецы вымыслили «преобразенную реальность», пафос освобожденного от эксплуатации человека человеком труда, воспитывали в массах чувство «революционного отношения к действительности». При этом, во многом опираясь на мировидение Горького, порицавшего развитое индустриальное общество за потерю духовности и коммерци-

¹⁷ Это выражение обычно приписывают И. В. Сталину, однако он лишь повторил 26 октября 1932 года на встрече с советскими писателями в доме у Максима Горького понравившееся ему высказывание известного советского писателя Юрия Карловича Олеши и таким образом официально ввел эти слова в круг крылатых выражений своего времени.

ализацию искусства, советская власть исключительно щедро датировала все области культуры, что обеспечивало их процветание даже в условиях идеологического прессинга и ограничения свободы творчества.

Горький, официально объявленный «основоположника метода социалистического реализма», как прозаик, таковым, конечно, не являлся, но, несомненно, в качестве публициста вписывался в очерчиваемые этим методом рамки, поскольку с конца 1920-х годов выступает в печати как оголтелый романтик-коммунист, ослепленный сиянием Великой Цели. Было это ослепление «полным» или «частичным» и даже *вынужденным* – результатом условий, в которых пребывал писатель? На сей счет существует мнения самого различного рода, с которыми при желании читатель может познакомиться у таких авторов, как [БАСИНСКИЙ], [СПИРИДОНОВА], [ПАРАМОНОВ], [БЫКОВ] или же [САРНОВ]. При этом для всех этих историков несомненным фактом является признание исключительной важности публицистики Горького для оправдания в глазах общественности массовых репрессий эпохи сталинизма. Своим личным примером – и словом, и делом (sic!) – Горький сформулировал для целого поколения представителей мировой культуры (Луи Арагон, Анри Барбюс, Поль Элюар, Бертольд Брехт, Иоганнес Бехер, Ренатто Гуттузо, Мартина Андерсена-Нексё, Пабло Пикассо, Диего Ривера, Теодор Драйзер, Лион Фейхтвангер, Эрвин Пиксатор, Пабло Неруда, Жоржи Амаду и др.) концепт «политической ангажированности художника»¹⁸, впоследствии философски обоснованный Жан-Поль Сартром в работе «Что такое литература?» (1948 г.).

Многие свидетели времени, например, считают, что Горький позволил себя убедить, что *так надо, так именно правильно*. Его товарищи по борьбе, вчерашние Вожди мирового пролетариата – Рыков, Бухарин, Каменев, Зиновьев и иже с ними, вели себя именно таким образом и, в конце концов, как бараны, ведомые козлом-провокатором, пошли на убой. Трудно поверить, что глубокий мыслитель и тонкий художник-реалист не осознавал весь кошмар разыгравшейся на его глазах «Оптимистической трагедии». Из личной переписки Горького видно, что вопрос о моральном оправдании чудовищных жертв, приносимых большевиками на алтарь Мировой Революции, был для него одним из самых мучительных. Вот, например, выдержка из письма к Ромен Роллану от 25 ноября 1921 года:

Я непоколебимо верю в прекрасное будущее человечества, меня болезненно смущает рост количества страданий, которыми люди платят за красоту своих надежд [НГ. С.73].

Столь же «болезненно смущает» Горького ожесточенная борьба за власть в партии большевиков, шельмование и отстранение от политической и общественной жизни советского общества видных деятелей Революции, о чем, в частности, свидетельствует следующая выдержка из его письма к Сталину от 29 ноября 1929 года из Сорренто:

...Страшно обрадован возвращением к партийной жизни Бухарина, Алексея Ивановича <Рыкова>, Томского. Очень рад. Такой праздник на душе. Тяжело переживал я этот раскол.

Крепко жму Вашу лапу. Здравья, бодрости духа! А. Пешков

Итак, при всех мучительных сомнениях и колебаниях Горький, этот «великий гуманист», всегда оставался человеком, верящим в правоту большевистской Революции и оправдывавшим

¹⁸ Концепт «ангажированности» включает в себя семантику «социальной полезности», «общественного служения», он заставляет обращать внимание на роль государственного или партийного контроля, цензуры, материального стимулирования, статусных, престижных позиций, – иначе говоря, таких значимых практических «материй» в жизни художников, которые, с одной стороны, обнажают моменты внешней принудительности, несвободы, а с другой стороны – приземленные, часто скрытые или неосознаваемые мотивы. Таким образом, именно в концепте «ангажированности» сосредоточены политико-экономические развороты художественного в сторону социального [НЕМЕНКО. С. 6].

творимые ее вождями преступления, полагая их необходимыми деяниями «во имя человека и на благо человека».

Речь идет не столько о двойственности и противоречивости, сколько о трагедии человека, который в один из самых драматических моментов европейской и всемирной истории, искал альтернативу и верил в нее, и не хотел отказываться от своей великой мечты. Его искания, колебания, надежды и разочарования характерны для многих интеллектуальных протагонистов европейской истории тех лет. Горький является центральной фигурой этой истории и ее неотъемлемой частью [ЧОНИ].

Из всего того, что Горький публиковал с конца 1920-х годов и до своей кончины, можно сделать заключение, что он заставил себя увидеть в «кипучем и яростном мире» советской реальности грандиозную работу по созданию системы качественной перековки человека, базирующуюся на научном фундаменте учения Маркса-Ленина. Масштабы этой работы, направляемой Сталиным, вызвали его глубокое восхищение. Он явно был горд тем, что и вносит свою лепту в дело переустройства и духовного «оздоровления русской жизни». То, что «лес рубят – щепки летят», представлялось ему, как и его единомышленникам, само собой разумеющимся. Возможно, он окончательно убедил себя в том, что «так надо», что утверждение Достоевского:

«Даже счастье всего мира не стоит одной слезинки на щеке невинного ребёнка» – величайшая ложь и противное лицемерие, <и что хотя> наша замученная страна переживает время глубоко трагическое <...>, <в ней> снова наблюдается <подъем настроения>, но этот подъем требует организующих идей и сил больше и более мощных, чем¹⁹,

– когда бы то ни было, и что за все это надо платить большую цену – всем, и ему тоже.

Сегодня фигура Горького интересна одновременно и как «типаж», и как культурологический феномен своего времени. Ибо *все* знаменитые писатели и художники начала XX в., считавшие помимо литературной деятельности своим призванием также общественное служение на благо великой задачи нравственного совершенствования человечества приветствовали русскую Революцию. Отметим в качестве примера лишь двух из них – друзей Горького, лауреатов Нобелевской премии по литературе Ромена Роллана и Бернарда Шоу.

Первый, несмотря на послереволюционный террор, упрямо поддерживал большевиков, публикуя в печати, оправдывающие их деяния статьи – «На смерть Ленина» (1924 г.), «Письмо в “Либертэр” о репрессиях в России» (1927 г.), «Ответ К. Бальмонту и И. Бунину» (1928 г.) и др., утверждая, что революция в России была величайшим достижением человечества. Несмотря на то, что Сталин демонстративно игнорировал обращения всемирно известного французского писателя, в которых тот призывал его, помиловать осужденных на смертную казнь бывших советских вождей, Роллан до конца жизни продолжил считать Ленина и Сталина светочами всего человечества.

Ромен Роллан являл собой в мировой литературе пример высокого *идеализма*, воспевающего патетику борьбы с косным обществом, романтику бунта и индивидуальных поисков истинной правды жизни – темы, вполне созвучные по духу горьковским. В свою очередь Бернард Шоу – остроумнейший скептик и реалист, прославился как драматург, в своих пьесах разоблачающий возвышенные иллюзии, патетический романтизм и ложные идеалы. Но и он, мудрец, презирающий авторитеты и насквозь, казалось бы, видящий любого человека, ничтоже сумняшися, возвещал долгу и миру, что:

¹⁹ Горький М. Еще о «карамазовщине» (1913 г.).

В данный момент есть один только интересный в самом деле государственный деятель Европы. Имя его – Ленин. По мнению Ленина, социализм не вводится большинством народа путём голосования, а, наоборот, осуществляется энергичным меньшинством, имеющим убеждения. Нет никакого смысла ждать, пока большинство народа, очень мало понимающее в политике и не интересующееся ею, не проголосует вопроса, тем более что вся пресса дурачит его, надувая ему в уши всякие нелепости. Мы, социалисты, завоевав немного удобств и комфорта, готовы ждать, но люди, желающие в самом деле что-нибудь сделать, как Ленин, не ждут.

<...>

Сталин – очень приятный человек и действительно руководитель рабочего класса... Сталин – гигант, а все западные деятели – пигмеи [ВОРОНЦОВА].

А вот для примера славословие Горького в адрес Вождя того же времени:

непрерывно и все быстрее растет в мире значение Иосифа Сталина – человека, который, наиболее глубоко усвоив энергию и смелость учителя, вот уже десять лет достойно замещает его на самом тяжелом посту вождя партии. Он глубже всех других понял: действительно и нерушимо революционно-творческой может быть только истинная и чисто пролетарская, прямолинейная энергия, открытая и воспитанная Лениным [БеБаКа. С. 421].

В целом практически все политические проблемы, связанные произволом советского режима, Шоу воспринимал вполне в горьковском ключе:

В России нет парламента или другой ерунды в этом роде. Русские не так глупы, как мы; им было бы даже трудно представить, что могут быть дураки, подобные нам. Разумеется, и государственные люди советской России имеют не только огромное моральное превосходство над нашими, но и значительное умственное превосходство.

<...>

Здесь, в России, я убедился, что новая коммунистическая система способна вывести человечество из современного кризиса и спасти его от полной анархии и гибели.

<...>

Пенитенциарная система в России и суровая, и вместе с тем чрезвычайно гуманная. Можете очень дешево убить человека: отделаетесь четырьмя годами тюрьмы. Но за политическое преступление вас казнят. Против этого так называемого террора возражают только наиболее глупые люди из несчастных остатков интеллигенции [ВОРОНЦОВА].

Бернард Шоу был в 1925 г. увенчан нобелевскими лаврами «За творчество, отмеченное идеализмом и гуманизмом, за искромётную сатиру, которая часто сочетается с исключительной поэтической красотой». Все эти качества он «оригинальным» образом продемонстрировал во время путешествия по Советскому Союзу летом 1931 года, выбросив на глазах представителей прессы банки с консервами из окна поезда, чтобы таким образом лично засвидетельствовать: слухи о голоде в СССР недостоверны, их распускает буржуазная пресса, которая *дурачит* рабочий класс на Западе, *надувая ему в уши всякие нелепости*. Один из сопровождавших его американских корреспондентов писал:

Выступая в Колонном зале Дворца профсоюзов, <...> Шоу <...> рассказал о том, насколько преувеличены слухи о тяжелой жизни в России.

Он комично рассказывал, как всхлипывающие родственники собирали их в дорогу, нагружая их корзинами еды, подушками и палатками, и что все эти вещи пришлось выбросить за ненадобностью из окна поезда, и теперь они валяются вдоль всей железной дороги.

<...>

С тех пор, как Бернард Шоу вернулся из Москвы, он проводит, так называемую, десятилетнюю лекцию о пятилетнем плане. По этому поводу говорят, что после многих лет представления других дураками, Шоу, наконец, и себя выставил дураком [DANA].

Напомним, что именно в 1931 году в СССР начинался страшный голодомор, унесший миллионы жизней. Во время голода в Поволжье 1921–1922 годов, возникшем как одно из последствий всеразрушительной Гражданской войны, большевистское правительство обратилось за продовольственной помощью к Западу. Максим Горький, войдя в состав учредителей Помгола²⁰, играл тогда роль одного из самых авторитетных просителей. Продовольственная катастрофа 30-х годов – «голодомор», разразившаяся во многих регионах огромной страны, явился прямым результатом Первой сталинской пятилетки 1928–1932 годов. Советский режим, расплачивавшийся за поставки с Запада промышленных проектов, оборудования и специалистов своими сырьевыми ресурсами, в том числе зерном, тщательно скрывал информацию о катастрофической нехватке продовольствия в стране. По указке из Москвы прокоммунистические и сочувствующие Советам органы массовой информации на Западе объявляли, просачивающиеся за «железный занавес» слухи о голоде в СССР злостной клеветой недругов молодого государства рабочих и крестьян. Всю правду о «голодоморе» 1930-х годов общественность узнала только после распада СССР. Согласно официальной оценке – см. заявление Государственной Думы Российской Федерации от 2 апреля 2008 года «Памяти жертв голода 30-х годов на территории СССР», в Поволжье, Центрально-Черноземной области, на Северном Кавказе, Урале, Крыму, части Западной Сибири, Казахстана, Украины и Белоруссии «от голода и болезней, связанных с недоеданием» в 1932–1933 годах погибло около 7 млн. человек, причиной чему были «репрессивные меры для обеспечения хлебозаготовок». По другим оценкам число жертв этой трагедии, венчавшей «легендарный» период Первой сталинской пятилетки, доходит в пределах до 8 млн. человек [УКРАИНА].

Горький, живший в те годы на два дома: осенью и зимой в Сорренто, весной и летом в Москве, также как и Бернард Шоу считал слухи о голоде буржуазной пропагандой. Более того, Горький не только игнорировал слухи о голодоморе, но в своих статьях тех лет превозносил вызвавший его

большевицкий террор, НКВД и ГУЛАг как культурные явления... <...> Публицистика Горького 30-х годов – кошмарное чтение <...>: переиздать сейчас горьковские статьи того времени – все равно что вывесить на Красной площади портреты Ягоды, Ежова и Берии [ПАРАМОНОВ (I). С. 186–187],

В 1920–1930 гг. СССР посетили Бернард Шоу, Герберт Уэллс, Ромен Роллан, Теодор Драйзер, Эдуард Эррио, Поль Вайян-Кутюрье, Жорж Дюамель, Анри Барбюс, Андре Мальро, Луи Арагон, Лион Фейхтвангер, Андре Жид, Шарль Вильдрак и др. Визитам этих знаменитостей на самом высшем уровне придавалось очень большое значение их встречали по-царски,

²⁰ Помгол или ВК Помгол – общественный Всероссийский комитет помощи голодающим (ВКПГ), общественный комитет по борьбе с голодом, образованный в 1921 г. по инициативе бывшего министра продовольствия во Временном правительстве, известного экономиста С. Н. Прокоповича при посредничестве Горького, который 29 июня 1921 года внёс на рассмотрение Политбюро ЦК РКП(б) предложение о создании этой организации. 21 июля 1921 г. ВЦИК утвердил статус общественного Всероссийского комитета помощи голодающим (Помгола). Комитет возглавил председатель Моссовета Л. Б. Каменев, а А. И. Рыков назначен его заместителем. Почетным председателем избран писатель В. Г. Короленко. В состав Помгола вошли 12 представителей власти и известные учёные и общественные деятели России:

проводили с подарками и, естественно, ждали, что советское гостеприимство будет воспринято должным образом, а именно признанием в западной печати успехов социалистического строительства в СССР и превознесением личности его гениального вождя – тов. Сталина. Проводя параллели отношения Верховной власти к литераторам в России эпохи Николая I и СССР, Максим Горький, графиня Софья Панина, Вера Фигнер, бывший председатель II-й Государственной Думы Фёдор Головин, Сергей Прокопович и его жена Екатерина Кускова... а также множество агрономов, врачей и писателей. Большевицкие деятели рассчитывали при посредничестве Помгола получить помощь западноевропейских государств и США. Несмотря на начавшиеся поставки продовольствия с Запада, уже в августе 1921 года Постановлением Президиума ВЦИК общественная организация ВК Помгол была распущена, а большинство ее членов арестовано и обвинено во всевозможных контрреволюционных деяниях.

напомним известное наблюдение маркиза Астольфа де Кюстина²¹, посетившего Россию в 1839 г., который писал:

Известно ли вам, что значит путешествовать по России? Для ума поверхностного это означает питаться иллюзиями; но для всякого, чьи глаза открыты и кто наделен хотя бы малейшей наблюдательностью в сочетании с независимым нравом, путешествие – это постоянная и упорная работа, тяжкое усилие, совершаемое для того, чтобы в любых обстоятельствах уметь различить в людской толпе две противоборствующие нации. Две эти нации – Россия, как она есть и Россия, какой ее желают представить перед Европой. <...> Русское гостеприимство столь уснащено формальностями, что отравляет жизнь самим покровительствуемым иностранцам. Эти формальности служат благовидным предлогом для того, чтобы стеснять движение иностранца и ограничить свободу его суждений. Вас торжественно принимают и любезно знакомят со всеми достопримечательностями, поэтому вам невозможно шагу ступить без проводника. Путешественник никогда не бывает наедине с собой, у него нет времени составить себе собственное мнение, а этого-то как раз и добиваются.

<...> Если же ваше любопытство исключительно выносливо и вам не надоедает причинять хлопоты людям, то, во всяком случае, вы всегда будете под пристальным наблюдением, вы сможете поддерживать лишь официальные сношения со всевозможными начальниками и вам предоставят лишь одну свободу – свободу выражать свое восхищение перед законными властями. Вам ни в чем не отказывают, но вас повсюду сопровождают. Вежливость, таким образом, превращается в способ наблюдения за вами [КЮСТИН. С. 56 и 69].

Отношение к приему «знатных» заморских гостей в николаевской России, подробно описываемое маркизом де Кюстином, – пресловутое «русское гостеприимство», в целом: и по целям, которое оно преследовало, и по внешневидовым признакам, на удивление схоже с официальным «советским гостеприимством». Здесь замечание маркиза де Кюстина:

народы, которым недостает узаконенных прав, ищут опоры только в привычках [КЮСТИН. С. 55],

– звучит и прозорливым и справедливым. Конечно, при детальном сопоставлении обеих практик, несомненно, найдется немало различий. Например, представляется маловероятным,

²¹ Во Франции книга Кюстина «Россия в 1839 году» («La Russie en 1839», Париж, 1843) еще при жизни автора выдержала несколько изданий и считается глубокой критической социально-философской работой о государственном строе. В России книга сразу же попала под запрет, хотя контрабандно провезённые экземпляры читались российскими интеллектуалами в оригинале на французском языке. Российский читатель получил возможность прочесть полный перевод на русский язык книги «Россия в 1839 году» только в 2007 г. [КЮСТИН]

чтобы Николай I лично до мелочей расписывал, утверждал в форме строжайшего предписания и строго контролировал программу приема каждого иностранного визитера. А вот в Советском Союзе только

Высшие партийные органы давали разрешение на прием тех или иных гостей и определяли его уровень. <...> <К>онтроль за пребыванием иностранцев, осуществлял<...>ся Политбюро и лично И. В. Сталиным [КУЛИКОВА. С. 43, 46].

Гостям показывали только то, что считали нужным показать из пропагандистских соображений и позволяли общаться лишь с узким кругом проверенных лиц. Не в последнюю очередь именно по этой причине все вышеозначенные гости СССР оставили весьма положительные отзывы об увиденном. В частности не только эксцентричный Бернард Шоу, но и такой рассудительный государственный деятель, как неоднократный премьер-министр Франции Эдуард Эррио после посещения СССР в августе 1933 г, заявил, что все сообщения о голоде на Украине являются большой ложью и выдумкой нацистской пропаганды, что, естественно, ввело в заблуждение французскую общественность. Конечно, шила в мешке не утаишь, особенно, когда речь идет о писателях – особо зорких людях, «чьи глаза открыты и кто наделен <...>наблюдательностью в сочетании с независимым нравом». Но здесь то и проявлялась пресловутая «ангажированность»: о том «негативе», что ими был подмечен и вызывал, как впоследствии выяснилось, глубокую обеспокоенность, они из чувства солидарности с молодой страной Советов предпочитали публично не распространяться. Например:

Вполне позитивно относившийся к Советскому Союзу Ромен Роллан, высказавший в своем дневнике ряд критических позиций, разрешил его публикацию только через 50 лет. Одной из причин такого решения была боязнь «шпионащих наблюдателей». А в целом апологетическая книга Л. Фейхтвангера «Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей», быстро изданная на русском языке, из-за «ряда ошибок и неправильных оценок» была очень скоро переведена в спецхраны библиотек. <...> В высказываниях, оценках, да и в поведении выдающихся представителей творческой интеллигенции Западной Европы проявлялись вполне объяснимые с позиций сегодняшнего дня двойные стандарты. С одной стороны – традиционное отношение европейской элиты к отсталой России, причудливо переплетавшееся с исповедуемыми на Западе либеральными традициями. С другой – восприятие СССР как надежного заслона от надвигавшейся фашистской опасности. Дневники, переписка, книги зарубежных авторов, опубликованные только в 1990-х гг., ясно показывают двойственность их позиций. Не для печати авторы высказывались более откровенно, их размышления становились глубже и критичнее, но они не хотели допустить, чтобы враги СССР воспользовались ими «в политических целях». Особенно отчетливо это видно по переписке и дневникам Р. Роллана. В 1927 г. он писал одному из своих читателей: «В отношении большевизма я взглядов не менял. Носитель высоких идей или, скорее, выразитель великого дела (ибо идейная область никогда не была его сильной стороной), большевизм погубил их своим узким сектантством, нелепой непримиримостью и культом насилия. Он породил фашизм, который есть не что иное, как коммунизм навыворот. Я не признаю ни за каким меньшинством, ни за каким отдельным человеком право принуждать целый народ, пусть и в благих целях, жестокими методами». Несколько позже, в письме Иллариону Ремезову Роллан попытался объяснить причины таких действий советских вождей, считая, что «им необходимо

защитить великое дело – великую мечту. А они видят эту мечту всюду под угрозой. Но разум теряется в этой постоянной подозрительности и, в конечном счете, начинает видеть кругом врагов. Только бы, лишь бы не дошли они в безумии до уничтожения лучших друзей, незаменимых служителей их общего дела». И добавляет в конце письма: «Настоятельно прошу Вас сохранить *в секрете* то, о чем я пишу (Можете *конфиденциально* сказать об этом одно слово Горькому). Не нужно, чтобы кто бы то ни было воспользовался этим в политических целях против СССР. Люди там ведут столь гигантские бои, что я слишком хорошо понимаю их душевное перенапряжение и их ошибки уровень [КУЛИКОВА. С. 40 и 53, 54].

Единственный прокол в «гостевой политике» у советских товарищей произошел с Андре Жидом – в то время очень популярным в СССР²² и на Западе писателем, которого Горький в своем выступлении на 1-м Съезде советских писателей причислил вместе со своим другом Роменом Ролланом к категории «инженер человеческих душ». В поездку по советской России Андре Жид, по его словам, отправился с самыми радужными представлениями: он был человеком левых взглядов, антиколониалистом и антикапиталистом, восхищавшимся СССР.

Все, о чем мы мечтали, – все было там. Эта была земля, где утопия становилась реальностью [ЖИД АНДРЕ (II)].

Его, как гея, даже не смущало принятие в 1934 году закона против гомосексуализма²³. Визит Андре Жида в СССР начался 17 июня 1936 года. Его торжественно встретили в Москве. Газета «Известия» в честь этого события опубликовала статью с заголовком: «Привет Андре Жиду», где говорилось:

Сегодня Красная столица встречает виднейшего писателя современной Франции, лучшего друга СССР.

Одной из целей его поездки была встреча с Горьким, но она не состоялась – 18 июня Горький скончался. Почетный гость принял активное участие в церемонии всенародного прощания с Максимом Горьким, организованной с большим размахом. Его даже удостоили высокой чести, выступить с речью на Красной площади. Находясь рядом со Сталиным, трибуне Мавзолея, Жид патетически заявил:

В наших умах судьбу культуры мы связываем с СССР. Мы будем его защищать [ЖИД АНДРЕ (I)],

Впоследствии, Андре Жид, вспоминая о своих первых днях в Москве, трогательно описал прощание народа с Горьким:

Я видел, как тот же самый народ – тот же самый и в то же время другой, похожий, скорее, как я думаю, на русский народ при царском режиме, – шел нескончаемым потоком мимо траурного катафалка в Колонном зале. Тогда это были не самые красивые, не самые сильные, не самые веселые народные представители, а «первые встречные» в скорби – женщины, дети особенно, иногда старики, почти все плохо одетые и казавшиеся иногда очень несчастными. Молчаливая, мрачная, сосредоточенная колонна двигалась, казалось, в безупречном порядке из прошлого, и шла она гораздо дольше, чем та другая – парадная. Я очень долго вглядывался в нее. Кем был Горький

²² В начале 1930-х гг. в Москве было дважды издано собрание сочинений А. Жида.

²³ Истинной причиной, заставившей якобы Жида предпринять это путешествие, было его желание встретиться со Сталиным – писатель питал обманчивую надежду повлиять на вождя в плане исправления некоторых недостатков в развитии СССР, включая и положение гомосексуалов [ДЕВИД-ФОКС].

для всех этих людей? Толком не знаю. Учитель? Товарищ? Брат? И на всех лицах, даже у малышей, – печать грустного изумления, выражение глубокой скорби. Сколько я видел людей, чья одухотворенность лишь подчеркивалась бедностью. Чуть не каждого мне хотелось прижать к сердцу! [ЖИД АНДРЕ (II)].

Неделю напролет французскую знаменитость кормили, поили, возили по стране и развлекали показами советских чудес, одновременно тщательно оберегая от случайных неположных по протоколу контактов²⁴.

Никогда я не путешествовал в таких роскошных условиях. Специальный вагон и лучшие автомобили, лучшие номера в лучших отелях. Стол самый обильный и самый изысканный. А прием! А внимание! Предупредительность! [ЖИД АНДРЕ (III)].

На фоне нищеты, с которой писатель повсеместно сталкивался в СССР, выглядели для него, левого западного интеллектуала, что называется «черезчур уж черезчур».

В 9. 30 приносят овощной суп с большими кусками курицы, объявляют запеченные в тесте креветки, к ним добавляются запеченные грибы, затем рыба, различное жаркое и овощи. Я ухожу, чтобы собрать чемодан, успеть написать несколько строк в «Правду» по поводу событий дня. Возвращаюсь как раз вовремя – чтобы заглотать большую порцию мороженого. Я не только испытываю отвращение к этому обжорству, я его осуждаю [ЖИД АНДРЕ (II)].

Что же касается увиденных Жидом чудес социалистического строительства, о которых по задумке принимающей стороны он должен был раструбить на весь мир, то по-настоящему его впечатлил только московский Парк культуры. Таким образом, по всем статьям «пускания пыли в глаза» советская пропагандистская машина в случае с Анри Жидом, что называется «не прокатила». Впоследствии писатель иронизировал по этому поводу:

Очевидно, делая такие авансы, они рассчитывали на совсем другой результат. Думаю, что недовольство «Правды» частично объясняется тем, что я оказался не слишком рентабельным [ЖИД АНДРЕ (III)].

Писатель не ошибался. Причиной недовольства «Правды», а вместе с ней и всего советского руководства, послужил очерк Андре Жида «Возвращение из СССР», который он опубликовал сразу же по приезду домой и в котором, подводя итоги всего увиденного за время своей ознакомительной поездки по СССР, неожиданно явил крайне нежелательное для принимавшей его стороны «самовидение». В начале этой статьи писатель выступил «за здравие», напомнив читателям, что еще с начала 1930-х годов он:

...говорил о своей любви, о своем восхищении Советским Союзом. Там совершался беспрецедентный эксперимент, наполнявший наши сердца надеждой, отсюда мы ждали великого прогресса, там зарождался порыв, способный увлечь все человечество. Чтобы быть свидетелем этого обновления, думал я, стоит жить, стоит отдать жизнь, чтобы ему способствовать. В наших сердцах и умах мы решительно связывали со славным будущим СССР будущее самой культуры. Мы много раз это повторяли, нам хотелось бы иметь возможность повторить это и теперь. <...> ...спустя четыре дня после приезда в Москву я еще заявлял в своей речи на Красной площади по случаю похорон

²⁴ Например, в 1936 г. не увенчались успехом несколько попыток А. Жида побеседовать с Бухариным [КУЛИКОВА. С. 48].

Горького: «В наших умах судьбу культуры мы связываем с СССР. Мы будем его защищать»,

При всем этом, однако, Андре Жид категорически высказался против принципа «лакировки действительности», в отличие от своих западных коллег заявив, что защита эта должна звучать «искренне и нелицеприятно», доброжелательно по тону, но с учетом всех фактов реального положения дел.

СССР «строится». Важно об этом постоянно напоминать себе. Поэтому захватывающе интересно пребывание в этой необъятной стране, мучающейся родами, – кажется, само будущее рождается на глазах. <...> Общаясь с рабочими на стройках, на заводах или в домах отдыха, в садах, в «парках культуры», я порой испытывал истинную радость. Я чувствовал, как по-братски относятся они ко мне, и из сердца уходила тревога, оно наполнялось радостью.<...> Надо сказать, что повсюду я был представлен как друг и чувствовал всюду дружеское к себе отношение. <...> Нигде отношения между людьми не завязываются с такой легкостью, непринужденностью, глубиной и искренностью, как в СССР. Иногда достаточно одного взгляда, чтобы возникла горячая взаимная симпатия. Да, я не думаю, что где-нибудь еще, кроме СССР, можно испытать чувство человеческой общности такой глубины и силы. Несмотря на различия языков, нигде и никогда еще я с такой полнотой не чувствовал себя товарищем, братом [ЖИД АНДРЕ (II)].

Закончив с панегириком, мало чем отличающимся от хвалебных отзывов всех «друзей СССР», Андре Жид решил посмотреть правде в глаза. Оказывается, СССР – вовсе не страна одних чудес:

Там есть хорошее и плохое. Точнее было бы сказать: самое лучшее и самое худшее. Самое лучшее достигалось часто ценой невероятных усилий. Усилиями этими не всегда и не везде достигалось то, чего желали достигнуть. Иногда позволительно думать: пока еще. Иногда худшее сочетается с лучшим, можно даже сказать, оно является его продолжением. И переходы от яркого света к мраку удручающе резки. Нередко путешественник, имея определенное мнение, вспоминает только одно или другое. Очень часто друзья СССР отказываются видеть плохое или, по крайней мере, его признать. Поэтому нередко правда об СССР говорится с ненавистью, а ложь – с любовью. <...> Все друг на друга похожи. Нигде результаты социального нивелирования не заметны до такой степени, как на московских улицах, – словно в бесклассовом обществе у всех одинаковые нужды. <...> В одежде исключительное однообразие. Несомненно, то же самое обнаружилось бы и в умах, если бы это можно было увидеть. Каждый встречный кажется довольным жизнью (так долго во всем нуждались, что теперь довольны тем немногим, что есть). Когда у соседа не больше, человек доволен тем, что он имеет. <...> На первый взгляд кажется, что человек настолько сливается с толпой, так мало в нем личного, что можно было бы вообще не употреблять слово «люди», а обойтись одним понятием «масса».

<...> «Стахановское движение» было замечательным изобретением, чтобы встряхнуть народ от спячки (когда-то для этой цели был кнут). В стране, где рабочие привыкли работать, «стахановское движение» было бы не нужным. Но здесь, оставленные без присмотра, они тотчас же расслабляются. <...> Я был в домах многих колхозников этого процветающего колхоза... Мне хотелось бы выразить странное и грустное впечатление,

которое производит «интерьер» в <...> домах <колхозников>: впечатление абсолютной безликости. В каждом доме та же грубая мебель, тот же портрет Сталина – и больше ничего. Ни одного предмета, ни одной вещи, которые указывали бы на личность хозяина. <...> Конечно, таким способом легче достигнуть счастья. Как мне говорили, радости у них тоже общие. Своя комната у человека только для сна. А все самое для него интересное в жизни переместилось в клуб, в «парк культуры», в места собраний. Чего желать лучшего? Всеобщее счастье достигается обезличиванием каждого. Счастье всех достигается за счет счастья каждого. Будьте как все, чтобы быть счастливым.

<...> В СССР решено однажды и навсегда, что по любому вопросу должно быть только одно мнение. Впрочем, сознание людей сформировано таким образом, что этот конформизм им не в тягость, он для них естествен, они его не ощущают <...>. Действительно ли это те самые люди, которые делали революцию? Нет, это те, кто ею воспользовался. Каждое утро «Правда» им сообщает, что следует знать, о чем думать и чему верить. И нехорошо не подчиняться общему правилу. Получается, что, когда ты говоришь с каким-нибудь русским, ты говоришь словно со всеми сразу. Не то чтобы он буквально следовал каждому указанию, но в силу обстоятельств отличаться от других он просто не может. Надо иметь в виду также, что подобное сознание начинает формироваться с самого раннего детства...

<...>

Эта культура целенаправленная, накопительская, в ней нет бескорыстия и почти совершенно отсутствует (несмотря на марксизм) критическое начало. Я знаю, там носятся с так называемой «самокритикой». Со стороны я восхищался ею и думаю, что при серьезном и искреннем отношении она могла бы дать замечательные результаты. Однако я быстро понял, что, кроме доносительства и замечаний по мелким поводам (суп в столовой холодный, читальный зал в клубе плохо выметен), эта критика состоит только в том, чтобы постоянно вопрошать себя, что соответствует или не соответствует «линии». Спорят отнюдь не по поводу самой «линии». Спорят, чтобы выяснить, насколько такое-то произведение, такой-то поступок, такая-то теория соответствуют этой священной «линии». И горе тому, кто попытался бы от нее отклониться. В пределах «линии» критикуй сколько тебе угодно. Но дальше – не позволено. <...>

И тут в связи с СССР нас волнует вопрос: означает ли победа революции, что художник может плыть по течению? Вопрос формулируется именно так: что случится, если при новом социальном строе у художника не будет больше повода для протеста? Что станет делать художник, если ему не нужно будет вставать в оппозицию, а только плыть по течению? Понятно, что, пока идет борьба, победа еще не достигнута, художник сам может участвовать в этой борьбе и отражать ее, способствуя тем самым достижению победы. А дальше... Вот о чем я себя спрашивал, отправляясь в СССР. «Понимаете ли, – объяснял<и> мне <...> – художник у нас должен прежде всего придерживаться “линии”. Без этого самый яркий талант будет рассматриваться как “формалистический”. Именно это слово мы выбрали для обозначения всего того, что мы не хотим видеть или слышать».

«Вы принудите ваших художников к конформизму, – сказал я <...>, – а лучших из них, кто не захочет осквернить искусство или просто его унижить,

вы заставите замолчать. Культура, которой вы будто бы служите, которую защищаете, проклянет вас». Тогда <мне> возразил<и>, что я рассуждаю, как буржуа.

<...>

Самое главное <...> – убедить людей, что они счастливы настолько, насколько можно быть счастливым в ожидании лучшего, убедить людей, что другие повсюду менее счастливы, чем они. Этого можно достигнуть, только надежно перекрыв любую связь с внешним миром (я имею в виду – с границей). <...> Советский гражданин пребывает в полнейшем неведении относительно границы.

Изображения Сталина встречаются на каждом шагу, его имя у всех на устах, похвалы ему во всех выступлениях. Важно не обольщаться и признать без обиняков: это вовсе не то, чего все хотели. Уничтожение оппозиции в государстве или даже запрещение ей высказываться, действовать – дело чрезвычайно опасное: приглашение к терроризму. Результат – тотальная подозрительность. Каждый следит за другим и за собой и подвергается слежке. На социальной лестнице, сверху донизу реформированной, на самом лучшем положении находятся наиболее низкие, рабелепные, подлые. Те же, кто чуть-чуть приподнимается над общим уровнем, один за другим устраниваются или высылаются [ЖИД АНДРЕ (II)].

Несмотря на доброжелательный – в целом, тон и отдельные всплески «восхищения», Андре Жид в своих скромных по объему заметках «Возвращение из СССР» сумел, по сути своей, не только воскресить архитипические тезисы марксизма де Кюстина о России и русских, но и показать, что СССР – это отнюдь не то государство, о котором мечтали левые западные интеллектуалы, не утопия ставшая реальностью, а реально воссозданная коммунистами «антиутопия», – та самая, которую в своих предостерегающих человечество романах описали Евгений Замятин («Мы», 1920 г.) и Олдос Хаксли («О дивный новый мир», 1932 г.). Путевые заметки Андре Жида вызвали взрыв недовольства не только в СССР, но и в Западе. Ромен Роллан и Лион Фейхтвангер, певшие в эти же годы дифирамбы СССР и лично тов. Сталину²⁵, высказали осуждение в адрес коллеги, до сего времени в мировоззренческом плане считавшегося их единомышленником. В свою очередь Андре Жид, ответил на их обвинения еще более резким в критическом отношении очерком «Поправки к моему „Возвращению из СССР“» (1937 г.), где, отстаивая свою точку зрения, без обиняков жестко заявил:

различные свидетельства, которые до меня доходят, данные, которые я мог собрать, отчеты непредвзятых очевидцев (какими бы большими «друзьями СССР» они ни были до и после поездки туда) – все это подтверждает мои суждения относительно настоящего положения дел в СССР, усиливает мои опасения. <Он вспоминает о> тысячах сосланных <...>, тех, кто не сумел, не захотел склониться так – и настолько, как это было нужно. <...> Я вижу их, я слышу их, я ощущаю их вокруг себя. Это их беззвучные крики разбудили меня сегодня ночью; их молчанье диктует мне сегодня эти строки. Именно мысли об этих мучениках навеяли мне те слова, против которых вы сегодня протестуете, ибо безмолвное признание со стороны этих людей – если книга моя сможет их достичь – для меня важнее восхвалений или поношений в «Правде». <...> Пришло время для коммунистической партии Франции открыть глаза, чтобы перестали ей лгать. Или, если сказать по-другому, чтобы трудящиеся поняли,

²⁵ Дифирамбы Сталину были таким же общепринятым в кругах левой западной интеллигенции правилом хорошего тона, как в тридцатые годы XIX в. в монархических кругах славословия по адресу Николая I, коими, на-

что коммунисты их обманывают так же, как их самих обманывает Москва [ЖИД АНДРЕ (III)].

Оба очерка Андре Жида в стране Советов, естественно, не публиковались, но его имя с тех пор навсегда было занесено в список «злейших врагов СССР». Одновременно с появлением «Возвращения из СССР» было приостановлено печатание нового собрания сочинений писателя,

пятый том последнего издания, объявленный к выходу в 1936 г., как и его книга «Новая пища», переведенная под редакцией И. Бабеля, в свет не вышли... В декабре 1936 г. в стране началась пропагандистская кампания против книги Жида. Книга была названа смесью догматически надерганных газетных вырезок и старых контрреволюционных анекдотов, а сам писатель – человеком слабым, пустым, ограниченным и жалким. <...> 13 июля 1937 г. Политбюро постановило «уполномочить т. Кольцова написать ответ на книгу А. Жида». Специальную книгу на эту тему Кольцову написать было не суждено, хотя в «Испанском дневнике», вышедшем в свет в том же году, он

пример, в изобилии уснащены очерки маркиза де Кюстина. В этом отношении высказывания Жида о Сталине также были из ряда вон.

успел покритиковать французского писателя, назвав его произведение «открытой троцкистской бранью и клеветой», составленной из смеси демагогически надерганных газетных вырезок и старых контрреволюционных анекдотов. Выступая на международном антифашистском конгрессе писателей, Кольцов пояснял свою позицию: «Мы требуем от писателя честного ответа: с кем он, по какую сторону фронта борьбы он находится? Никто не вправе диктовать линию поведения художника и творца. Но всякий желающий слыть честным человеком, не позволит себе гулять то по одну, то по другую сторону баррикады. Это стало опасным для жизни и смертельным для репутации». Вскоре Кольцов был арестован и казнен в застенках НКВД. <...> Пропагандистская кампания против написанной по личным впечатлениям книги А. Жида была настолько масштабной, что предусматривала тщательное наблюдение за реакцией на ее появление всего сообщества советских писателей. В донесении сексота по кличке «Эммануэль» от 5 июля 1936 г. делался вывод о сомнительных настроениях И. Бабеля, у которого 26 июня обедал А. Жид. Бабель, как доносил сексот, охарактеризовал своего гостя следующим образом: «Он хитрый, как черт. Еще не известно, что он напишет, когда вернется домой. Его не так легко провести. Горький, по сравнению с ним, сельский пономарь. Он <Жид> по возвращении во Францию может выкинуть какую-нибудь дьявольскую штуку». Очень характерен и еще один документ. 9 января 1937 г. начальник 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР комиссар госбезопасности 3-го ранга Курский в спецсправке на имя Ежова (а от него Сталину), с которой ознакомились также Молотов и Каганович, сообщал, что во время общемосковского совещания писателей, посвященного VIII Всесоюзному съезду советов (декабрь 1936 г.), Пастернак в кулуарных разговорах доходил до того, что выражал солидарность «с подлой клеветой из-за рубежа на нашу общественную жизнь», оправдывал Жида, считая, что «он писал, что думал, и имел на это полное право», а Павел Антокольский, поддерживая позицию Пастернака, замечал, что «Жид увидел основное – что

мы (советские писатели) мелкие и трусливые твари» [КУЛИКОВА. С. 49 и 56–57].

Отметим, что в годы «Большого террора» контакты с посещавшими СССР зарубежными писателями часто фигурировали в числе обвинений во «вражеской деятельности», предъявлявшихся органами НКВД арестованным как «враги народа» советским литераторам. Большое число этих «новых звезд» вскоре погасло – одних расстреляли, другие сгинули в ГУЛАГе. Особенно пострадала «птичья стая» – российские поэты, представители различных национальных культур, всего – около 200 человек! – см. «Погибшие поэты – жертвы коммунистических репрессий»: URL: <http://vcisch2.narod.ru>. Вильгельм Кюхельбекер, старый друг «первого русского поэта», увековеченный его едким каламбуром «И *кюхельбекерно* и тошно», ничуть не преувеличивал, когда, в своей сибирской ссылке писал в оде «Участь русских поэтов» (1847 г.):

Горька судьба поэтов всех племен;

Тяжеле всех судьба казнит Россию.

Не менее жестоко судьба казнила и советских прозаиков. Борис Пильняк, Артем Веселый, Исаак Бабель, Виктор Третьяков, Михаил Козырев (автор антиутопии «Ленинград», 1925 г.), Бруно Ясенский, Иван Катаев, Александр Аросев²⁶. . . – в этом расстрельном перечне приведены только наиболее известные фамилии, общий же перечень репрессированных советских писателей включает в себя более сотни имен, см. [РаПи]. Политическая ангажированность стала своего рода ахиллесовой пятой Горького, с ней и только с ней, собственно говоря, связано все то «нечистое», что приписывается личности. Именно по этой причине русская эмиграция, сделала все возможное, чтобы не допустить присуждение ему Нобелевской премии по литературе, на которую он, начиная с 1918 г., номинировался пять раз (sic!). Нисколько не умаляя заслуг Бунина перед русской литературой, приведем все же здесь мнение на сей счет Марины Цветаевой, в роли литературного критика отличавшейся особым «ракурсом видения»:

Я не протестую, я только не согласна, ибо несравненно больше Бунина:
и больше, и человечнее, и своеобразнее, и нужнее – Горький. Горький – эпоха,
а Бунин – конец эпохи.

– см. письмо к А. А. Тесковой от 24 ноября 1933 года [НМЦ]. Следует отметить, что если на Горького после распада коммунистической системы вылились немало ушатов грязи, – главным образом отечественные публицисты, то его знаменитые друзья из числа «прогрессивных западных писателей», в те годы, как отмечалось выше, ничуть не менее *ангажированные* и зачарованные личностью тов. Сталина (sic!), остались вне зоны осуждения. Бывшие «леваки» всех мастей, задающие и поныне тон в западной критике, обижать своих учителей не стали. Их пожурили, конечно, за «заблуждения», но с пониманием, беря поправку на «дух» того славного времени, когда в Советском Союзе для дорогих западных гостей буквально на костях ставили жизнерадостные показательные спектакли о героике советских трудовых будней [ДЕВИД-ФОКС]. Для Горького же, который в отличие от западных единомышленников жил в СССР под надзором НКВД и лично Генерального комиссара государственной безопасности тов. Генриха Ягоды, подобного рода смягчающие обстоятельства во внимание, как правило, не принимаются. Забывают очень часто и обо всем том добром и благородном, что неразрывно связано с именем Горького. Своим братьям-писателям – Куприну, Бунину, Юшкевичу, Чирикову. . . , он, будучи совладельцем издательства «Знание», выплачивал такие гонорары, которые в начале их карьеры им и не снились, и о которых впоследствии, уже прозябая в эмиграции, они могли только мечтать. Выступая в роли всероссийского заступника за «униженных и оскорбленных»,

²⁶ Председателю всесоюзного общества культурных связей с границей Александру Аросеву, человеку исключительно образованному, владеющему иностранными языками, было поручено надзирать за пребывающими в страну литературными знаменитостями, он же в 1935 г. выступал переводчиком на встрече Романа Роллана со Сталиным во время посещения писателем СССР.

Горький последовательно и бескомпромиссно противостоял незаконной власти имущих, как при царизме, так и в эпоху террора, развязанного большевиками под лозунгом «диктатуры пролетариата». Ставшие в 1990-х годах достоянием общественности его письма к Ленину тех лет [ISAKOV S.G.], отдельные выдержки из которых цитируются ниже, – тому яркое свидетельство. Как уже отмечалось, Революция явилась для Горького великим разочарованием, т. к. – и это с насмешкой отмечали его критики из стана большевиков, она не отвечала его романтическому представлению о том, как все должно было бы быть. Поэтому его конфликт с новой властью был неизбежен. Анализируя сложившуюся тогда ситуацию, Лидия Спиридонова, как правило, избегающая жестких упреков в адрес Горького, утверждает, например, что

корень разногласий Горького с большевиками заключался именно в том, что он, как художник, оценивал события с общечеловеческой точки зрения, а большевики стояли на позициях классовых, партийных [СПИРИДОНОВА (II). С. 137],

Со своей стороны, Борис Парамонов – один из первых отечественных критиков Горького с позиции «дифирамба и полинодии», уверен, что

... полемику свою с революцией Горький начал совсем не в октябре 17-го года, а чуть ли уже не в феврале. Сама Февральская революция вызвала у него весьма мрачные предчувствия – отнюдь не иллюзии. <...> Угрозу, созданную Февральской революцией, Горький усматривает в развязанной ею *анархической стихии*, готовой снести хрупкое здание русской *культуры*. <...> социализм для него – цивилизующее, европеизирующее, активизирующее страну начало. И на страницах «Несвоевременных мыслей» большевики прямо и непосредственно отождествляются с этой *анархической, противокультурной стихией* ... <...> Горький, старый социалист, <поначалу> не понял того, <...> что <...> пафос большевизма – не разрушительный, а организационный, строительный, проективный; не менее, чем <им самим>, большевиками владеет мифология «борьбы с природой» как конечное задание культуры. Анархия, которую Горький видел в то время на улицах Петрограда или в русской деревне (а главный его страх – перед «азиатским» крестьянством), была не стратегией, а тактикой [ПАРАМОНОВ (II)].

Понятное дело, что уровень «понимания» диалектики актуальных революционных событий, каким оперируют Парамонов и другие современные историки, для Горького при всей его прозорливости был недоступен. Поэтому он шел наперекор тактики большевиков, отставивая в годы Революции и Гражданской войны устаревшие «по понятиям» его товарищей из стана большевиков обще-гуманистические ценности, спасая пролетариев умственного труда из числа «гнилой интеллигенции» и национальные художественные ценности. Он делал все, что мог: звонил вождям, протестовал, ругался, публиковал крамольные «Несвоевременные мысли», в которых оповещал, например:

В Москве арестован И. Д. Сытин, человек, недавно отпраздновавший пятидесятилетний юбилей книгоиздательской деятельности. Он был министром народного просвещения гораздо более действительным и полезным для русской деревни, чем граф Дм. Толстой и другие министры царя. Несомненно, что сотни миллионов сытинских календарей и листовок по крайней мере наполовину сокращали рецидивы безграмотности. Он всю жизнь стремился привлечь к своей работе лучшие силы русской интеллигенции, и не его вина, что он был плохо понят ею в своем искреннем желании «облагородить» сытинскую книгу. Все-таки он сумел привлечь к своему делу

внимание и помощь таких людей, как Л.Н. Толстой, А.П. Чехов <...> и десятки других. Им основано книгоиздательство «Посредник», он дал Харьковскому Комитету грамотности мысль издать многотомную и полезную «Сельско-Хозяйственную Энциклопедию».

<...> За пятьдесят лет Иван Сытин, самоучка, совершил огромную работу неоспоримого культурного значения. Во Франции, в Англии, странах «буржуазных», как это известно, Сытин был бы признан гениальным человеком и по смерти ему поставили бы памятник, как другу и просветителю народа. <...> В «социалистической» России, «самой свободной стране мира», Сытина посадили в тюрьму, предварительно разрушив его огромное, превосходно налаженное технически дело и разорив старика. Конечно, было бы умнее и полезнее для Советской власти привлечь Сытина, как лучшего организатора книгоиздательской деятельности, к работе по реставрации развалившегося книжного дела, но – об этом не догадались, а сочли нужным наградить редкого работника за труд его жизни – тюрьмой. Так матерая русская глупость заваливает затеями и нелепостями пути и тропы к возрождению страны, так Советская власть расходует свою энергию на бессмысленное и пагубное и для нее самой, и для всей страны возбуждение злобы, ненависти и злорадства, с которым органические враги социализма отмечают каждый ложный шаг, каждую ошибку, все вольные и невольные грехи ее.

Сытина вскоре освободили и даже удостоили дружеской беседы с Лениным, но критическая позиция Горького по отношению к произволу и насилию и его стремление защитить творческую интел-лигенцию и русскую культуру вызывали постоянное недовольство товарищей по партии все годы, что Горький находился в революционном Петрограде (1917–1921). Вот как, например, в 15 сентября 1919 года Ильич увещевал своего друга:

Дорогой Алексей Максимович, ... мы решили в Цека назначить Каменева и Бухарина для проверки ареста буржуазных интеллигентов околокадетского типа и для освобождения кого можно. Ибо для нас ясно, что и тут ошибки были. В общем мера ареста кадетской (и околокадетской) публики была необходима и правильна. Когда я читаю Ваше откровенное мнение по этому поводу, я вспоминаю особенно мне запавшую в голову при наших разговорах (в Лондоне, на Капри и после) Вашу фразу: «Мы, художники, невменяемые люди». Вот именно! Невероятно сердитые слова говорите Вы по какому поводу? По поводу того, что несколько десятков (или хотя бы даже сотен) кадетских и околокадетских господчиков посидят в тюрьме для предупреждения заговоров <...>, заговоров, грозящих гибелью *десяткам тысяч* рабочих и крестьян... «Художники невменяемые люди». «Интеллектуальные силы» народа смешивать с «силами» буржуазных интеллигентов неправильно.

За образец их возьму Короленко: я недавно прочел его, написанную в августе 1917 г., брошюру «Война, отечество и человечество». Короленко ведь лучший из «околокадетских», почти меньшевик. А какая гнусная, подлая, мерзкая защита империалистической войны, прикрытая слащавыми фразами! Жалкий мещанин, плененный буржуазными предрассудками! Для таких господ 10 000 000 убитых на империалистической войне – дело, заслуживающее поддержки (*делами*, при слащавых фразах «против» войны), а гибель сотен тысяч в *справедливой* гражданской войне против помещиков и

капиталистов вызывают ахи, охи, вздохи, истерики. Нет, таким «талантам» не грех посидеть недельки в тюрьме, если это *надо* сделать для *предупреждения* заговоров <...> и гибели десятков тысяч. А мы эти заговоры кадетов и «околокадетов» открыли. И мы *знаем*, что околокадетские профессора дают сплошь да рядом заговорщикам *помощь*. Это факт.

Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентиков, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно.

«Интеллектуальным силам», желающим нести науку народу (а не прислуживать капиталу), мы платим жалованье *выше среднего*. Это факт. Мы их бережем. Это факт. Десятки тысяч офицеров у нас служат Красной Армии и побеждают вопреки сотням изменников. Это факт. Что касается Ваших настроений, то «понимать» я их понимаю (раз Вы заговорили о том, пойму ли я Вас). Не раз и на Капри и после я Вам говорил: Вы даёте себя окружить именно худшим элементом буржуазной интеллигенции и поддаетесь на ее хныканье. Вопль сотен интеллигентов по поводу «ужасного» ареста на несколько недель Вы слышите и слушаете, а голоса массы, миллионов, рабочих и крестьян, коим угрожает Деникин, Колчак, Лианозов, Родзянко, красногорские (и другие кадетские) заговорщики, этого голоса Вы не слышите и не слушаете. Вполне понимаю, вполне, вполне понимаю, что так можно дописаться не только до того, что-де «красные такие же враги народа, как и белые» (борцы за свержение капиталистов и помещиков такие же враги народа, как и помещики с капиталистами), но и до веры в боженьку или в царя-батюшку. Вполне понимаю. Ей-ей, погибнете, ежели из этой обстановки буржуазных интеллигентов не вырветесь! От души желаю поскорее вырваться. Лучшие приветы!

Ваш Ленин

Ибо Вы ведь не пишете! Тратить себя на хныканье сгнивших интеллигентов и не писать – для художника разве не гибель, разве не срам? [ЛЕНИН. Т 51. С. 47–49].

В 1920 г. в связи с неодобрением Зиновьевым и его соратниками деятельности Горького в области культпросвета и книгоиздательского дела обстановка вокруг писателя особенно накалилась. Видный большевистский функционер С. М. Закс-Гладнев, обращаясь лично к Ленину, прямо обвинил Горького в ренегатстве:

<...> При всей любви к Вам я никогда не почитал за партийный долг ладить с людьми, почему-либо сумевшими снискать В<аше> доверие. <...> Назову одиозные случаи Мирона Черномазова и Романа Малиновского, коих доверия я не заслужил и не добивался, ибо сам им не доверял. Оба провокатора пользовались известностью в партии: Р. В. Малиновский был избран рабочими депутатом IV Государственной думы, М. Е. Черномазов был секретарем газеты «Правда». По моему внутреннему убеждению, М. Горький в теперешней революции играет роль не на много более почетную, нежели та, которую играли те оба лица в борьбе с царизмом. Как и они, он не верит в пролетарскую революцию, и огромное его преимущество в том, что он свое будущее ренегатство на случай – если мы будем когда-нибудь разбиты – подготавливает открыто, на наших глазах, и на наши никчемные госзнаки... [НГ. С. 55–56].

В свою очередь Горький письмами от 15 и 16 сентября 1920 года Ленину объявил о своем решении уйти из всех учреждений, им созданных, фактически устранившись от той просветительской и издательской деятельности, которую он вел в России:

В сущности меня водили за нос даже не три недели, а несколько месяцев, в продолжение коих мною все-таки была сделана огромная работа: привлечено к делу популяризации научных знаний около 300 человек лучших ученых России, заказаны, написаны и сданы в печать за границей десятки книг и т. д. Теперь вся моя работа идет прахом. Пусть так. Но я имею перед родиной и революцией некоторые заслуги, и достаточно стар для того, чтоб позволить и дальше издеваться надо мною, относясь к моей работе так небрежно и глупо. Ни работать, ни разговаривать с Заксом и подобными ему я не стану. И вообще я отказываюсь работать как в учреждениях, созданных моим трудом – во «Всемирной литературе», Издательстве Гржебина, в «Экспертной комиссии», в «Комиссии по улучшению быта ученых», так и во всех других учреждениях, где работал до сего дня. Иначе поступить я не могу. Я устал от бестолковщины [НГ. С. 34].

В этом конфликте, как, впрочем, и в других внутривнутрипартийных разборках, связанных с «капризами» Горького, Ленин принял его сторону: специальная комиссия ЦК РКП(б) под председательством Рыкова постановила выделить субсидии для печатания книг за границей при посредничестве издательства Гржебина, за которым стоял сам Горький. Последовало также прямое указание ЦК тов. Заксу «не осложнять и не затруднять работу тов. Горького в Петрограде и за границей по книгоиздательству» и настоятельные рекомендации по «внимательному и бережному отношению к этому делу»²⁷. Во что пишет о «заступничестве» Горького Владимир Ходасевич, живший в 1920 г. в Петрограде у него на квартире:

Летом 1920 года со мной случилась беда. Обнаружилось, что одна из врачебных комиссий, через которую проходили призываемые на войну, брала взятки. Несколько врачей расстреляли, а все, кто был ими освобожден, подверглись переосвидетельствованию. Я очутился в числе этих несчастных, которых новая комиссия сплошь признавала годными в строй, от страха не глядя уже ни на что. Мне было дано два дня сроку, после чего предстояло прямо из санатория отправляться во Псков, а оттуда на фронт. Случайно в Москве очутился Горький. Он мне велел написать Ленину письмо, которое сам отвез в Кремль. Меня еще раз освидетельствовали и, разумеется, отпустили.

Прощаясь со мной, Горький сказал:

– Перебирайтесь-ка в Петербург. Здесь надо служить, а у нас можно еще писать.

Я послушался его совета и в середине ноября переселился в Петербург. К этому времени горьковская квартира оказалась густо заселена. В ней жила новая секретарша Горького – Мария Игнатьевна Бенкендорф (впоследствии баронесса Будберг); жила маленькая студентка-медичка, по прозвищу Молекула, славная девушка, сирота, дочь давнишних знакомых Горького; жил художник Иван Николаевич Ракицкий; наконец, жила моя племянница с мужем. Вот это последнее обстоятельство и определило раз навсегда характер моих отношений с Горьким: не деловой, не литературный, а вполне частный, житейский. <...>

²⁷ Закс не успокоился и повел борьбу с этим решением, за что был смещен с поста заведующего Госиздатом. Однако вскоре он был назначен представителем Госиздата за границей, где опять-таки продолжал борьбу с Горьким, немало поспособствовав краху «Издательства З. И. Гржебина», см. [ДИНЕРШТЕЙН].

С раннего утра до позднего вечера в квартире шла толчея. К каждому ее обитателю приходили люди. Самого Горького осаждали посетители – по делам «Дома Искусств» «Дома Литераторов», «Дома Ученых», «Всемирной Литературы»; приходили литераторы и ученые, петербургские и приезжие; приходили рабочие и матросы – просить защиты от Зиновьева, всесильного комиссара Северной области; приходили артисты, художники, спекулянты, бывшие сановники, великосветские дамы. У него просили заступничества за арестованных, через него добывали пайки, квартиры, одежду, лекарства, жиры, железнодорожные билеты, командировки, табак, писчую бумагу, чернила, вставные зубы для стариков и молоко для новорожденных, – словом, все, чего нельзя было достать без протекции.

Горький выслушивал всех и писал бесчисленные рекомендательные письма. Только однажды я видел, как он отказал человеку в просьбе: это был клоун Дельвари, который непременно хотел, чтобы Горький был крестным отцом его будущего ребенка [ХОДАСЕВИЧ (II)].

Десятки людей из самых разных слоев русской интеллигенции, попавших в жернова революции, были в буквальном смысле обязаны Горькому жизнью. Многих своих критиков из числа эмигрантов первой волны он вырвал из лап ЧК, других спас от голодной смерти, выбив им литературный паек, многим помог эмигрировать. Даже скандально известного правого журналиста Буренина, нещадно поливавшего его до Революции в суворинском «Новом времени», он пригрел, исхлопотав у большевиков нуждавшемуся больному старику достойное содержание.

В 1919 году Горький возглавил КУБУ²⁸, избавив от гибели тысячи ученых, писателей и культурных деятелей, в 1921 году в качестве председателя петроградского комитета Помощи голодающим активно занимался организацией его деятельности. После смерти писателя Ф. Шаляпин утверждал, что заступничество за арестованных «было главным смыслом его жизни в первый период большевизма». [СПИРИДОНОВА (II). С. 10].

А вот душераздирающий пример «вопля о помощи» старого друга-писателя, который в глазах большевиков

был заведомой дрянью, трусом, приживальщиком, подлипалой. И это составляло суть его. Даровитость его была в пределах выражения этой сути [ТРОЦКИЙ Л. (IV). С. 11].

– В. В. Розанова, бежавшего после революции из Петрограда в Сергиев Посад:

«Максимушка, спаси меня от последнего отчаяния. Квартира не топлена, и дров нету; дочки смотрят на последний кусочек сахара около холодного самовара; жена лежит полупарализованная и смотрит тускло на меня. Испуганные детские глаза... и я, глупый... Максимушка, родной, как быть? Максимушка, я хватаюсь за твои руки. Ты знаешь, что значит хвататься за руки? Я не понимаю ни как жить, ни как быть. Гибну, гибну, гибну...» <...>

...в 1918 году <Горький> помог Розанову. Передал через М. О. Гершензона 4000 рублей, позволившие семье философа выжить лютой подмосковной зимой 1917–1918 годов [БАСИНСКИЙ (II). С. 5].

В эмиграции этот жест со стороны Горького был воспринят довольно скептически.

²⁸ КУБУ – комиссия по улучшению быта ученых существовала в Петрограде (Ленинграде) в 1920–1927 гг.

Вокруг финансовой помощи Горького Розанову уже в 20-е годы стали плодиться противоречивые слухи: З. Н. Гиппиус, например, писала о том, что Горький приказал своим «приспешникам» отправить Розанову немного денег. <...> В рецензии на мемуары Гиппиус ее скорректировал В. Ф. Ходасевич: «... не было здесь, конечно, ни приспешников, ни клеветов, никаких вообще тайн Мадридского двора. Просто – пришёл ко мне покойный Гершензон и попросил меня позвонить Горькому по телефону и сообщить о бедственном положении Розанова. Я так и сделал. Позвонил по прямому проводу из московского отделения “Всемирной литературы”» [ПЕРЕПИСКА РОЗ-ГЕРШ. С. 242].

Всем нуждавшимся в защите Горький, хотя и пытался, помочь, конечно же, не мог.

В 1921 г. <ему, например,> удалось добиться у Ленина разрешение на выезд из Советской России в Палестину 12 еврейским писателем во главе с Х. Н. Бяликом и Ш. Черняховским [АГУРСКИЙ-ШКЛОВСКАЯ. С. 23],

– но вот вывезти за границу умиравшего от цинги и истощения Блока он не успел, как и не сумел предотвратить расстрел Гумилева и других жертв большевистского террора. Но эти жертвы Революции не на его совести. Горький доносов не писал и не «стучал» начальству на собратьев по перу. Он всегда был их защитником, невзирая вкусы, убеждения и личные симпатии.

Вот, например, одна вполне романтическая история. В 1918 г. в Харькове ЧК арестовало княгиню Саломею Андронникову – одну из самых ярких женщин литературно-художественного Петербурга эпохи «серебряного века», которой влюбленный в нее Осип Мандельштам посвятил целый ряд поэтических шедевров: «Я слово позабыл, что я хотел сказать...», «Я наравне с другими хочу тебе служить...», «Возьми на радость из моих ладоней...», «За то, что я руки твои не сумел удержать...». Приемный сын Горького Зиновий Пешков, к тому времени уже кровью заслуживший французское гражданство и звание кавалера «Военного креста с пальмовой ветвью», находился в Грузии в составе французской дипломатической миссии. Узнав каким-то образом о случившемся, он отправил Горькому полную безумной экспрессии телеграмму:

Отец, звони Ленину, Троцкому, Карлу Марксу, чёрту-дьяволу, только спаси из харьковской тюрьмы Саломею Андронникову! [НЕДОШИВИН]

Горький действовал оперативно, Саломею Андронникову освободили и вскоре Пешков вывез ее в Париж. Интересно, что Зиновий не стал обращаться с аналогичной просьбой к своему родному младшему брату – Якову Свердлову, тогда являвшемуся Председателем ВЦИК, т. е. официальным главой молодой Республики Советов. Кстати говоря, отношения Горького с Яковым Свердловым, а всю семью Свердловых он хорошо знал еще по жизни в Нижнем Новгороде, и старший брат Свердловых – Зиновий («Зина»), был его крестником и приемным сыном, – остаются непроясненными в горьковедении.

Несомненно, под сенью Горького действовал в начальные годы сталинских репрессий «Политический красный крест» – единственная правозащитную организацию в СССР, просуществовавшая с 1922 до 1937 года, которую возглавляла Екатерина Павловна Пешкова.

...совершенно легально, почти два десятка лет существовал этот странный, кажущийся нам теперь совершенно немыслимым «Политический Красный Крест». <...> Когда-нибудь историки обязательно займутся изучением этого удивительного учреждения, как и личностью удивительного человека, его создавшего и отдававшего ему все свои немалые силы и немалые, неизвестно откуда взявшиеся, возможности. Одним именем Горького нельзя объяснить, каким образом Екатерине Павловне Пешковой удалось получить

необыкновенное право легально помогать политическим заключенным и их родственникам; право узнавать, кто где находится, кого куда этапировали...

<...>

Сюда обращались родственники эсеров, меньшевиков, анархистов; родственники людей из «партий», «союзов», «групп», созданных, придуманных в доме неподалеку, за углом направо. Здесь выслушивали женщин, стариков и детей, чтобы невероятно скоро сообщить, где находится их отец, муж, жена, мать, брат, сын... Когда можно получить свидание, когда принимают передачи, когда – если нет для этого средств – можно прийти на Кузнецкий, 24, и получить продукты, белье.

<...>

Откуда брались эти продукты, эта одежда, эти, совсем немалые, деньги? Они приходили, главным образом, из-за границы, от АРА, от социал-демократических партий и учреждений, от разных благотворительных обществ, от богатых людей. А может, и совсем небогатых, может, и от почти бедных. Кто знает, как собирались эти деньги и как они шли сюда? Знала об этом, вероятно, только сама Екатерина Павловна [РАЗГОН. С. 276–278].

Известно также, что

Многие сионисты, получившие разрешение на выезд из СССР в двадцатых и тридцатых годах, обязаны этим Е. П. Пешковой, Ей принадлежит не последняя роль в освобождении из советского заключения Любавического ребе. <...> В память Е. П. Пешковой в Израиле посажена роща (sic!) [Агурский-Шкловская. С. 23].

В 1922 году Горький помог Виктору Шкловскому, вырвавшемуся из лап ГПУ, – как эсер он был арестован и ему грозил расстрел, перебраться из Финляндии в Берлин. Уже находясь в Берлине, Шкловский писал ему, как единомышленнику и товарищу по несчастью:

Мой роман с революцией глубоко несчастен. На конских заводах есть жеребцы, которых зовут «пробниками». Ими пользуются, чтобы «разъярить» кобылу (если ее не разъярить, она может не даваться производителю и даже лягнуть его), и вот спускают «пробника». Пробник лезет на кобылу, она сперва кобенится и брыкается, потом начинает даваться. Тогда пробника с нее стаскивают и подпускают настоящего заводского жеребца. Пробник же едет за границу заниматься онанизмом в эмигрантской печати. Мы, правые социалисты, «ярили» Россию для большевиков. <...> Если бы коммунисты не убивали, они были бы все же не приемлемы [ФРЕЗИНСКИЙ (II).С. 32]. <...> Дружба Шкловского с Горьким знала свои приливы и отливы; в Берлине они, в итоге, поссорились, и в 1925 году Горький писал Федину резко: «Шкловский – увы! “Не оправдывает надежд”. Парень без стержня, без позвоночника и все более обнаруживает печальное пристрастие к словесному авантюризму. Литература для него – экран, на котором он видит только Виктора Шкловского и любит нигилизмом этого фокусника. Жаль». С позвоночником тогда были уже проблемы и у самого Горького [ФРЕЗИНСКИЙ (II). С. 34],

– его ничуть не меньше гнуло время. Они оба, хотя и каждый по своему, понимали, «что “время виновато”», о чем Шкловский с присущей его стилю афористической образностью сказал в конце своей жизни:

«Понимаете, когда мы уступаем дорогу автобусу, мы делаем это не из вежливости». Образ, что и говорить, производит впечатление [ФРЕЗИНСКИЙ (II). С. 34].

«Большевик» Горький и в годы Революции, и сразу же после нее активно помогал «эсеру» Шкловскому: «отмазал» его через Я.М. Свердлову от обвинений в участии в эсеровском мятеже, поселил у себя в квартире на Кронвекской в Петрограде в 1920 году, а затем в Берлине, подкармливал, опекал²⁹.

Переписка Горького с г. Ягодой, Р. Ролланом, П. Крючковым, ставшая известной только в самом конце XX века, показывает, что вернувшись на родину, писатель в 1930-х г.г. так же активно спасал жертвы террора [СПИРИДОНОВА (II). С. 234].

Даже Григорий Зиновьев, враждовавший с Горьким на в годы Гражданской войны, проиграв в середине 1920-х годов в борьбе со Сталиным и оказавшись затем как «враг народа» за решеткой, именно к нему обращается с просьбой о помощи. Делая этот шаг

Зиновьев отделяет Горького от непосредственного окружения Сталина. В глазах Зиновьева Горький – последняя сила, не только не подчиненная «Хозяину», но способная сама повлиять на него [БАСИНСКИЙ (II). С. 5].

Мы были дружны до тех пор, пока я не написал о нем. Мы не поссорились, но разошлись. (Не надо писать о своих друзьях, если вы хотите сохранить их дружбу) [Галушкин].

Перечень благодеяний Горького, всю свою жизнь помогавшего обращающимся к нему людям, огромен, но ни у кого из горьковедов до сих пор не достало желания собрать сведения о них воедино, проанализировать и опубликовать с благодарностью к памяти писателя и в назидание потомкам. И это при том, что в «новой России» биография и литературное наследие Горького по-прежнему являются объектом масштабных научно-критических исследований.

Знаменитая русская революционерка, в 1922 году высланная большевиками из России, Е. Д. Кускова, хорошо знавшая Горькова и понимавшая, что к чему и почему, утверждает, что:

Теоретически Октябрьскую революцию <Горький> должен был принять полностью. Однако полностью он ее не принял. Это можно доказать многими фактами. В чем же дело? В том ли, что сильны были пережитки эпохи прошлого или же сама революция дала такие скачки, такие пируэты, которые никак не гармонировали с романтизмом Горького? Задача, решение которой должно быть дано его биографами. <...> С самодержавием Горький мог разговаривать на этом гордом эмигрантском языке. С пролетарской республикой он, «родоначальник пролетарской литературы», он, бунтовщик, «сын народа», сделавшего величайшую из революций, так разговаривать не смог. В этих взаимоотношениях даже не с советской властью, а с революцией, – корень его мизантропии, в качестве «полувысланного», и его дальнейших настроений. Развести Горького с этой анархо-босаяцкой революцией – это не только смешно, но и невозможно, уже потому, что в рядах современной, послереволюционной эмиграции ему место не было и быть не могло: современная русская эмиграция – в массе своей – больше всего на свете ненавидит разного рода бунтовщиков [КУСКОВА].

Поэтому вторая эмиграция Горькова (официально – отъезд на лечение) была столь же неизбежна и обусловлена теми же причинами конфликта с властью, как и первая. Однако его

²⁹ Затем Горький и Шкловский поссорились и в 1930-х годах их отношения были весьма натянутыми, о чем Шкловский говорил в конце своей жизни следующее:

статусное положение в 1921–1929 годах в корне отличалось от того, в каком он пребывал в период 1905–1913 годов. Всю семилетку Каприйской эмиграции Горький официально находился под судом и активно занимался антиправительственной деятельностью. В Сорренто же он жил как пансионер Советского правительства, которое исправно выплачивало ему солидную ренту. Ни о какой серьезной критике власти, не говоря уже о противоборстве с ней, здесь речи быть не могло. Лишь в первый момент, что называется с пылу с жару, очутившись в 1921 году за границей, Горький выступил в Берлине с критикой Советской власти и ее руководителей, впрочем, весьма умеренной и осмотрительной – см. в гл. III и IV о его интервью Шолому Ашу для нью-йоркской газеты «Форвертс» и полемике по этому поводу за рубежом и в СССР.

В статье «О русском крестьянстве» [ГОРЬКИЙ (IV)] – своей самой «одиозной» работе, как по мнению большевиков, запретивших ее к печати в СССР, так и современных критиков писателя³⁰, Горький четко и последовательно описывает свое видение Революции, отношение к ее большевистским вождям и русскому народу, говоря о котором он – подчеркнем особо! – всегда имел в виду крестьянство, составлявшее более 80 % всего тогдашнего населения России. При всей своей жесткости, нелицеприятности и даже оскорбительности, высказывания Горького о русском народе отнюдь не звучали в то время для русского уха как нонсенс, ибо в своей обличительной публицистике писатель следовал по стопам всех русских революционно настроенных демократов, в частности Герцена и Чернышевского [КАНТОР]. Последний, например, задолго до Горького, выражая аналогичную точку зрения, писал:

Народ невежествен, исполнен грубых предрассудков и слепой ненависти ко всем, отказавшимся от его диких привычек. Он не делает никакой разницы между людьми, носящими немецкое платье; с ними со всеми он стал бы поступать одинаково. Он не пощадит и нашей науки, нашей поэзии, наших искусств; он станет уничтожать нашу цивилизацию [ЧЕРНЫШЕВСКИЙ].

Все убеждения, касательно жестокости Революции, моральной ответственности за них как народа, так и большевистских вождей, высказанные Горьким в этой статье, являлись для него «базовыми» и он по сути своей придерживался их все последующие годы, в том числе и после своего возвращения в СССР.

Жестокость форм революции я объясняю исключительной жестокостью русского народа. Когда в «зверствах» обвиняют вождей революции – группу наиболее активной интеллигенции, – я рассматриваю эти обвинения как ложь и клевету, неизбежные в борьбе политических партий, или – у людей честных – как добросовестное заблуждение. Напомню, что всегда и всюду особенно злые, бесстыдные формы принимает ложь обиженных и побежденных. Из этого отнюдь не следует, что я считаю священной и неоспоримой правду победителей. Нет, я просто хочу сказать то, что хорошо знаю и что – в мягкой форме – можно выразить словами печальной, но истинной правды: какими бы идеями ни руководились люди, – в своей практической деятельности они все еще остаются зверями. И часто – бешеными, причем иногда бешенство объяснимо страхом. Обвинения в эгоистическом своекорыстии, честолюбии и бесчестности я считаю вообще не применимыми ни к одной из групп русской интеллигенции – неосновательность этих обвинений прекрасно знают все те, кто ими оперирует. Не отрицаю, что политики наиболее грешные люди из всех окаянных грешников земли, но это потому, что характер деятельности неуклонно обязывает их руководствоваться иезуитским принципом «цель

³⁰ По мнению П. В. Басинского, эта статья явилась одним из первых литературно-идеологических обоснований будущей сталинской политики сплошной коллективизации. В связи с ней в русской эмигрантской прессе появился неологизм «народозлобие» [БАСИНСКИЙ (I). С. 368]

оправдывает средство». Но люди искренно любящие и фанатики идеи нередко сознательно искажают душу свою ради блага других. Это особенно приложимо к большинству русской активной интеллигенции – она всегда подчиняла вопрос качества жизни интересам и потребностям количества первобытных людей. Тех, кто взял на себя каторжную, геркулесову работу очистки авгиевых конюшен русской жизни, я не могу считать «мучителями народа», – с моей точки зрения, они – скорее жертвы. Я говорю это, исходя из крепко сложившегося убеждения, что вся русская интеллигенция, мужественно пытавшаяся поднять на ноги тяжелый русский народ, лениво, нерадиво и бесталанно лежавший на своей земле, – вся интеллигенция является жертвой истории прозябания народа, который ухитрился жить изумительно нищенски на земле, сказочно богатой. Русский крестьянин, здравый смысл которого ныне пробужден революцией, мог бы сказать о своей интеллигенции: глупа, как солнце, работает так же бескорыстно. Он, конечно, не скажет этого, ибо ему еще не ясно решающее значение интеллектуального труда. <...> Но революция, совершенная ничтожной – количественно – группой интеллигенции, во главе нескольких тысяч воспитанных ею рабочих, эта революция стальным плугом взбороздила всю массу народа так глубоко, что крестьянство уже едва ли может возвратиться к старым, в прах и навсегда разбитым формам жизни; как евреи, выведенные Моисеем из рабства Египетского, вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень – все те почти страшные люди, о которых говорилось выше, и их заменит новое племя – грамотных, разумных, бодрых людей.

Опираясь на авторитетное мнение Томаса Манна – одного из крупнейших писателей и мыслителей XX столетия, далекого от какой-либо формы «левизны», отметим еще раз, что Горький – «русский социалист, марксист, убежденный коммунист», выступал на мировой культурно-общественной сцене как

носитель нравственного начала, орган общественной совести; он принадлежит тому духовному обществу Европы, члены которого, будучи в большинстве случаев не связаны между собою лично, давно нашли друг друга в высшей сфере, уже осуществляя в области духа то единство, за которое борется эта часть света; обществу национально и индивидуально резко дифференцированных личностей, голоса которых, однако, звучат в унисон, когда возникает необходимость выступить против несправедливости, некультурности, фальшивого порядка³¹

Что же касается «иллюзий» и «заблуждений», то в случае Горького надежной оценочной системой нам представляется «закон Лукача», гласящий, что:

Иллюзии и заблуждения большого писателя-реалиста только в том случае могут быть плодотворны для искусства, если это исторически необходимые иллюзии и заблуждения, связанные с большим историческим движением [ЛУКАЧ. С. 318].

Все вышеизложенные соображения составляют, образно говоря, общий контур, очерчивающий *поле значимости* личности Горького. Сегодня, как и добрых тридцать лет тому назад,

³¹ Статья-письмо к 60-летию юбилею Максима Горького [МАНН].

задача нарисовать духовный портрет Горького без хрестоматийного глянца и весьма модной теперь среди публицистов огульной критики [ПРИМОЧКИНА. С. 4–5],

– по-прежнему продолжает оставаться актуальной в горьковедении. Напомним также, что до настоящего времени все еще не имеется **фундаментально** написанной научно-политической биографии Горького. Подобная ситуация, как нам представляется, обусловлена целым комплексом как *субъективных*, так и *объективных* причин. Первые связаны сугубо с личностью Горького-мыслителя, эклектичностью и философской несистематизированностью его мировоззрения. Об этом в частности речь пойдет в следующей главе. Вторые – с наличием *затененных* страниц в горьковедении, одной из которых является «еврейская тема» в жизни Горького. Исследования по теме «Горький и евреи» были исключены из советского горьковедения в силу антисемитской по своей сути идеологической линии КПСС [БЛЮМ]. Такие факты, как неустанная борьба Горького-публициста и общественника с антисемитизмом в России, его декларативная симпатия к «еврею» и мировоззренческий филосемитизм, если и упоминались горьковедами, то всегда походя, вскользь, без фиксации на них внимания читателей и каких-либо научных комментариев. И это при том, что в биографии Горького еврейская нота звучит не просто отчетливо, а образно выражаясь, *набатно*, и обойти ее в случае полноценной научной реконструкции его образа невозможно. Более того,

при всех современных переоценках личности, творчества и деятельности Горького как писателя и общественной фигуры нельзя не сознать его тесной связи с влиятельнейшими политическими и культурными процессами в мировой истории XX века. Одним из этих процессов был сионизм – идеология, ставшая политической практикой и приведшая к возникновению еврейского государства [ХАЗАН (II). Т. 1. С. 70].

В ненаучной публицистики, особенно национал-патриотического толка, юдофильство и просионистские симпатии Горького, служат, как правило, питательной средой для культивирования клеветнических измышлений – «русофоб», «иудо-масон», «заклятый враг русского крестьянства», в его адрес. Что же касается незаидеологизированного горьковедения, то здесь, несмотря на то, что тематика русско-еврейских культурных отношений является сегодня предметом широкого дискурса, тема «Горький и евреи» по-прежнему относится к разряду *terra incognita*. На сегодняшний день малодоступная широкому читателю книга «Горький и еврейский вопрос» – см. [АГУРСКИЙ-ШКЛОВСКАЯ], остается единственной работой на данную тему.

Напомним читателю, что в «России, которую мы потеряли» антисемитизм был не только бытовым явлением, архетипической формой коллективного бессознательного – в этом качестве, он и по сей день процветает во всем мире (*sic!*), но, в отличие от большинства европейских стран, имел законодательно закрепленный статус *государственной политики*³². Этот факт в современной России, где все больше и больше в массмедийную моду входит некритическая апология царизма, предпочитают не акцентировать или вовсе игнорируют, когда в контексте социальной ситуации предреволюционной эпохи поминается пресловутый «еврейский вопрос». Предпочитают умалчивать и о том, что если в начале 1880-х годов в большинстве стран Европы законодательно утвердились принципы толерантности в отношении иудейской религии, то в Российской империи, напротив, произошел резкий переход к агрессивно юдофобской государственной идеологии.

³² В негласной и несколько видоизмененной форме подобное положение было восстановлено в СССР после Второй мировой войны [КОСТЫРЧЕНКО].

На смену принципу расширения прав евреев ради их сближения с остальным населением страны пришло представление о евреях как об «инородцах», вредных для страны, и несущих ответственность за все ее несчастья [ЭЕЭ/article/15442].

В контексте антисемитской доктрины главного придворного идеолога Константина Победоносцева российскими правительственными чиновниками

...евреи рассматривались как паразиты и эксплуататоры, от которых следовало защищать население, в первую очередь – сельское [КЛИЕР. С. 192–193].

Такого рода отношение к евреям было законодательно закреплено целым рядом правовых актов и уложений. По российским законам тех лет евреи, а ими официально считались тогда только лица, исповедовавшие иудаизм, признавались *инородцами*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.